

СЕРГЕЙ ЗЕЛИНСКИЙ

**ШПИОН, ИЛИ
СЕКРЕТНАЯ
МИССИЯ**

Оглавление

О КНИГЕ.....	4
ПРОЛОГ.....	7
ЧАСТЬ 1.....	17
Глава 1	17
Глава 2	29
Глава 3	55
Глава 3	62
Глава 4	72
Глава 5	85
Глава 6	95
ЧАСТЬ 2.....	102
Глава 1	102
Глава 2	115
Глава 3	121
Глава 4	124
Глава 5	131
Глава 6	140
Глава 7	151

ЧАСТЬ 3	154
Глава 1	154
Глава 2	164
Глава 3	170
Глава 4	174
Глава 5	180
Глава 6	186
Глава 7	191
Глава 8	199
ЧАСТЬ 4	206
Глава 1	206
Глава 2	210
Глава 3	213
Глава 3	219

© 2013 –

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to: altaspera@gmail.com

В тексте сохранены авторские орфография и пунктуация.

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

О книге.

'Здравый смысл - причина гибели наших
душ'

Руми

С.А.

Зелинский

**Шпион,
или секретная
МИССИЯ**

**Altaspera
CANADA**

2013

С. А. Зелинский

Шпион, или секретная миссия

С. А. Зелинский.

Шпион, или секретная миссия. Роман.—

CANADA.: Altaspera Publishing & Literary Agency
Inc, 2013. — 129 с.

ISBN 9781304728135

© ALTASPERA PUBLISHING & LITERARY
AGENCY

© Зелинский С. А., 2013

Текст печатается в авторской редакции.

Все права защищены. Никакая часть
данной книги не может быть воспроизведена в

какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Все имена героев вымышлены. Любое сходство - условно.

роман-антиутопия (политический детектив)

Шпион, или секретная миссия

'Здравый смысл - причина гибели наших душ'

Руми

Пролог

Мир представлялся загадочным, и даже более чем. Казалось, ничто не было похоже на ту действительность, которую он знал, и в которой считался пусть и относительным (по мнению недоброжелателей), но специалистом.

Специалистом считал себя он сам. И, должно быть, так еще считали те, кто отправил его для выполнения особого задания. Суть задания сводилась к следующему: необходимо было разобраться в окружающей действительности и сообщить свои выводы наверх. Где был этот «вверх», он не знал. Забыл. Запутался. Когда он попал в этот мир, то понял, что мир столь нов для него, что прежняя информация, которая существовала в его сознании, куда-то внезапно исчезла. Исчезла самым неожиданным для него образом. И в какой-то миг стало непонятным, существует ли нечто, способное вернуть назад его память. Отмотать те кубометры информации, записанные на катушку памяти. Чтобы... Ну хотя бы чтобы знать кому (и когда?) отправлять полученную информацию. А в том, что он ее получит, он уже не сомневался. Архимед знал, что чтобы не случилось, он выполнит задание. Иного не дано.

Архимед было его кодовое имя. Перед заброской, специальными методами удалось стереть

его память о прошлом. Боялись, наверное, что он начнет что-то анализировать, сопоставлять, и в итоге запутает и себя и их. Да еще и сорвет задание. Что было делать нельзя. Иначе...

--Ну, убьют, наверное,--спокойно подумал Глеб Аркадиевич Никитин.

На вид Глебу Аркадиевичу было начало сорока. По мироощущению в зависимости от ситуации он мог быть молодым человеком, пожилым человеком, даже стариком или юношей. Все было универсально, и, опять же, в зависимости от ситуации, в которой он оказывался. Эта его способность и оказалась решающей в том, что забросили именно его. Ну и даже если это не так (были ведь у него и другие способности, которыми не обладали, или обладали в меньшей степени чем он другие люди), то уж наверняка повлияло на окончательный выбор в пользу кандидата для миссии. Секретной миссии. О ней не должен был знать никто. Ей придавали особое внимание в высших эшелонах власти. Кое-кто из посвященных

(а таких было совсем небольшое количество; тех, кто участвовал в подготовке Архимеда к заброске) даже предполагали, что об этом знает генеральный секретарь партии. Хотя вполне так может случиться, что какое-то из ключевых ведомств спецслужб решило провести свою успешную операцию. А потом уже отчитаться о выполнении. Если повезет - и о ходе и даже о подготовке выполнения. Если миссия провалится... Ну, тогда и не о чем будет говорить. А самого Архимеда уничтожат. Как и тех, кто знал об эксперименте. Так решил директор ведомства, курирующий операцию под кодовым названием «Архимед».

.....

.....

Суть миссии заключалась в установлении специфики окружающей действительности. Необходимо было все узнать до самых мельчайших подробностей. Потом уже, с помощью самых современных методик информацию считают с его

подсознания (куда откладывается информация любого человека во время его жизни), и найдут ей применение. По крайней мере, в том обществе, откуда прибыл Архимед - эта новая информация будет самой, что ни на есть, необходимой. Потому как, хоть и забросили его в наше настоящее, но прибыл он из прошлого. Путь и не совсем далекого. Но тогда еще существовал Советский Союз. Хоть некоторые аналитики уже и предполагали, что в ближайшем времени мог наступить закат великой державы. А значит, просто необходимо было знать, что и как все произойдет в будущем. Чтобы не только предвидеть его, но и подготовиться. Дабы сохранить свои позиции в этой жизни. В управлении этой жизнью. И точно также оказывать влияние на массы, управляя ими, как это было и до сей поры.

И уже, помимо разработанных и постоянно совершенствующихся механизмов управления - неоценимую поддержку должна была сыграть информация, полученная Архимедом. По сути, шпионом, которого забросили в наше настоящее из прошлого. И Архимед, ну то есть -- Глеб

Аркадиевич Никитин, вполне знал, что он шпион. Или, вернее, поначалу был так уверен. Потом пришли первые сомнения. Потом вновь пришло ощущение сопричастности в великому. А после он запутался. Кто он - Глеб Аркадиевич до конца не знал.

--Может это входило в программу его подготовки?- предположил Никитин. И тут же поймал себя на мысли, что совсем не помнит, как его готовили. Сейчас создавалось впечатление, что ничего особого не происходило. Что он жил одинаково все время. Просто как-то так произошло, что не обратил внимание на то, что вокруг изменился классовый строй. И люди. Люди тоже стали другие. Более злые, что ли. Или еще точнее - более расчетливые.

Хотя он, по сути, не мог ручаться за то, что они такими не были и раньше. Быть может, был не наблюдателен? Нет. О нем так говорить было нельзя. Но в то же время, ту картину, которую он наблюдал сейчас... Она по-своему завораживала его. И требовала скорейшего разрешения. Потому что

приносила дискомфорт в душе. Душе, которая привыкла к структурированности. И разрешению любых противоречий. И тогда...

Что означало это тогда, и что там должно быть - Никитин не знал. Ну, или забыл. И второе могло оказаться намного печальнее, чем первое. Потому как означало оно, что миссия у него на самом деле была. А он просто забыл все вводные. Да и вообще инструкции не помнил. Что предполагало, что задание он провалит. И его за это... Ликвидируют,--Никитин вслух произнес это слово, и от осознания значения его стало Глебу Аркадиевичу невероятно грустно. Он и раньше замечал эту грусть. Грусть, словно независимо ни от чего, неожиданно накатывала на него. Заставляя порой думать совсем черт знает о чем. И в такие минуты он отчаивался, не предполагая, что от всего этого когда-нибудь сможет избавиться.

Но обычно грусть проходила сама.
Никитину каким-то бессознательным образом

удавалось найти нечто, что отвлекало его от мучительных переживаний. И все становилось на свои места. И пребывало там до поры до времени.

Но уже несмотря ни на что, было это все же заметно лучше, чем мучиться какими-то нелепыми загадками, и выводить из них смехотворные заключения. Притом что следствие вообще могло быть более чем печальным. Хотя, надо заметить, Никитин никогда старался до конца и надолго не погружаться в такие свои состояния. Это было бы ошибкой,--считал он. И успевал - выныривать, после уж излишне ревностного погружения в бессознательное.

А через какое-то время даже установил для себя своего рода ограничения. Усилием воли контролируя себя, когда какая-нибудь мелочь собиралась самым неожиданным образом вывести его из себя.

И тогда он предавался мучительным размышлениям. На какое-то время забывая про проходящую мимо него жизнь. Ну, или вернее - жизнь, вполне может быть, и не проходила. Она

попросту останавливалась, ожидая его. А он, думая, что она наоборот - удаляется от него, стремился догнать ее на каком-то витке спирали.

Не удавалось. Чаще всего не удавалось. В последнее время так и вовсе стало происходить какое-то безобразие. Быть может это, в конечном итоге, и подвигло его к принятию предложения возглавить миссию. По сути, он должен был возглавить самого себя. Потому как ему было доподлинно известно, что кроме него никого забрасывать в недалекое будущее не будут. Но ведь при этом он мог и ошибаться,--рассудил Глеб Аркадиевич. Особенно зная специфику организации, на которую работал. Контора была серьезная. В былые годы вообще самая сильная. В последнее время, правда, свои позиции несколько подрастеряла. Сказывалось существование еще ряда структур, с не меньшими возможностями и влиянием на окружающую жизнь. Но ведь если разобраться, у ЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД-МВД-МБ-КГБ был некий особый статус. Который заставлял (или лучше сказать мягче - вынуждал) считаться с

подобной структурой. Притом что и задачи перед его Конторой стояли серьезные. И она вполне (и всегда) стремилась быть первой. Ведь даже сейчас,-- задумался Никитин,-- мало кто сообразил подобную операцию. А его шеф сообразил. И как подтверждение, он, Глеб Аркадиевич Никитин, заброшен в самый центр врага. В будущее. Пусть и недалекое, всего лишь в начало нового, второго, тысячелетия. Но уже судя по всему, жизнь тут была совсем иная, чем предполагали те, кто инструктировал его перед отправкой. А ведь всего-то каких-то двадцать лет прошло. И надо же, как все изменилось.

Причем Никитин только сейчас стал понимать, что это действительно его страна. Что, отправляя его, кураторы не ошиблись. Ведь поначалу у него, было, промелькнула мысль, что попал в другую страну. Но язык был русский. Пусть и с появлением неких неологизмов, значения которых он пока не понял, но обещал сам себе непременно во всем разобраться. Да и как иначе. У него ведь задание...

Часть 1

Глава 1

С самых первых шагов в новом-старом мире, тот стал представляться Никитину чем-то одновременно и до удивительного прекрасным, и в то же время странным и даже, быть может, коварным.

Ему не хотелось считать, что это так. Но ведь уже и выходило, что иных раскладов - как будто и не было. Ну, или -- почти не было. Никитин вполне отдавал себе отчет, что он на самом деле ведет двойную игру. Причем, выходило быть может так, что игра даже была как минимум тройной. Третьим резидентом был он сам. Его сознание. С которым сейчас играл Никитин, то подстраиваясь под него, то ставя на место. И эта игра с самим собой по-своему завораживала. Но и накладывала определенные требования. Ведь, в иных случаях,

можно было расценить игру -- как игру со своей совестью. С необходимостью делать выбор в пользу кого-то или чего-то. С ощущением того, что если в этой стране все и действительно происходило так, как он это сейчас наблюдал, то значит, уже вполне возможны различные варианты анализа (и осознания) действительности. И то, что могло бы получиться в этом случае, по иным раскладам могло быть и вообще не очень приятным.

Не очень приятным для тех, кто его послал. Для самого Никитина все было вполне ясным и логичным. Притом что он пока попросту вообще ничего не понимал. Но был уверен, что в ближайшее время разберется. Ну, или пусть и в не совсем ближайшее. Времени на проведение эксперимента (миссии) было достаточно. В том плане, что, как он помнил, его никто не ограничивал по времени. А значит...

--А значит, я должен буду все разузнать в ближайшее время, а потом свалить, и начать жить обычной жизнью,--неожиданно подумал он.

Стоит сказать, что нечто подобное предполагал один из руководителей проекта 'Архимед'. Поэтому он по-своему подстраховался. И окончательно успокоившись после того, как его заверили, что по завершении операции, Никитин тот час же будет доставлен обратно. В прошлое. А уже потом,--рассудил генерал,--можно будет дать ему и отпуск. Предварительно стерев информацию, которой он будет владеть.

На информацию о будущем определенные люди вообще делали ставку. С этим, как уже понимал Никитин, и была связана секретность вокруг эксперимента. Да и вообще, если рассудить, ничто так не завораживало, как какая-то тайна. А он,--подумал Никитин,--в этом случае будет носитель определенной информации. Из-за которой его будут не только беречь и всячески опекать, но после всего он вполне может просить и повышения жизненных благ. А что ему еще надо? Чтобы жизнь вокруг была прекрасна. И чтобы он мог пользоваться всеми благами, придуманными до

него. Благами для жизни. Для повышения ее уровня и качества. А большего ему, вроде как, и не надо.

Можно было предположить, что Глеб Аркадиевич был не так прост, как, быть может, ему хотелось казаться. Даже внешне он казался достаточно интересным человеком. Высокий, под два метра, и весом под сто килограммов, Глеба поначалу не хотели посылать как раз из-за его слишком заметной внешности.

А потом решили, что в выборе между внешне незаметными агентами и Никитиным - на стороне последнего было слишком много плюсов. Поэтому уже однозначно в недалекое будущее должен был отправляться именно он. Да и почему нет?- вопрошал генерал, руководитель проекта. Интуитивно рассудив, что как раз через двадцать лет (на такой срок была заброска), основная категория людей как раз и будет такого веса и роста как Никитин. А значит о том, что он будет привлекать излишнее внимание, не могло быть и речи.- Самое то,--махнул рукой генерал и дал

команду делать основную ставку именно на Никитина. А остальных уже готовить словно бы на всякий случай. Мало ли что и как. Подстраховаться генерал был обязан.

И при этом надо было заметить, что у самого Никитина какое-либо желание работать по новому заданию неожиданно пропало. Ну, или не то, что бы окончательно пропало. А как бы стало вдруг периодически исчезать. И кульминации достигло все это, когда он уже совсем как будто и должен быть готов отправляться на выполнение задания. Да и, конечно же, отправился. Но никому не сказал о каких-то своих сомнениях. Да и зачем? Сомнения ведь его простирались вообще в плоскости любой подобной работы. Так что...

.....

.....

Никитину многое казалось непонятным. С одной стороны,-- как будто та же самая страна, где он жил раньше. Ну, судя по вывескам и

услышанным разговорам понял, что прошло двадцать лет (с момента времени, в котором жил он, и из которого, собственно, и был заброшен); но вот все вокруг было другое. Не такое, какое осталось в том мире, где он жил.

--Странно,-- задумался Никитин. Ему вдруг захотелось даже покачать головой и сказать, что он совсем ничего не понимает. Но он знал, что не должен излишне выдавать свое эмоциональное состояние. Психику он вообще обязан был контролировать. Всегда. Об этом знал, помнил, этому следовал. Но ведь не может так все быстро измениться в его родной стране,-- удивился про себя Никитин.--И главное, судя по всему (его сознание пронзила новая догадка) изменился курс страны. Причем (Никитин осторожно стал озираться по сторонам, словно бы намеревался об этом прочесть на вывесках вражеской рекламы на домах, стендах, и над дорогами) изменился кардинально. Неужели страну захватил Запад?- пронеслась в голове Никитина весьма обеспокоившая его мысль, и он

решил срочно все самым внимательнейшим образом проанализировать.

Сняв номер в гостинице, Глеб Аркадиевич накупил газет и журналов, включил телевизор и погрузился во враждебное его духу настоящее. Окружающий мир на удивление показывал совсем не ту картинку, к которой он привык. Все было иначе. Все казалось теперь до удивительности странным и загадочным. Можно было сказать даже - нелепым. Коварным. И... по-прежнему непонятым. Совсем непонятым для него. Хотя он был уверен, что со всем, что произошло и происходит, разберется. Главное, не привлекать внимания,-- подумал Никитин. И тут же, начав анализировать свое поведение, с ужасом подумал, что он видимо уже так наследил, что спецслужбы взяли его под контроль. А это означало провал операции. И фактическую смерть для него.

В дверь Никитина постучали.

Бесшумно скользнув к двери, он резким движением распахнул ее. Перед ним стоял какой-то

серьезного вида пожилой мужчина, по виду - бывший кадровый военный.

Никитин вопросительно взглянул на него.

--Девочку будете заказывать?- спросил мужчина.

--Извините?- переспросил Никитин, осторожно скользнув взглядом по коридору. Кроме стоявшего перед ним мужчины, там больше никого не было.

--Девочку,--повторил мужчина.- Я могу прислать к Вам в номер любую девочку. Хотите посмотреть каталоги, или так - на мой вкус.

--Сколько?- спросил Никитин. Он уже смекнул, что подобный вид контакта будет ему необходим. Это словно взять в плен языка и добросить его. Да и вполне возможно, что так принято здесь. А значит, лишний раз он отведет от себя подозрение. Ну и по всему - надо было соглашаться. Все это промелькнуло в голове Никитина, и он уже знал, что проститутку закажет.

--Договоримся,--махнул рукой мужчина, доставая из внутреннего кармана пиджака

несколько фотографий, и выбрав одну - показал ее Никитину.- Вот,--глаза мужчины одновременно излучали доброту и усмешку.- Маринка. Наша первая красавица и искусница. Сделает все так, что на потолок взлетишь от счастья...

Договорить мужчина не успел. Никитин коротко пробил ему под дых, той же рукой справа снизу по челюсти, и быстро втащил неподвижное тело в номер. Там он его связал и стал пытаться. Вернее, поступок его как раз относился к разряду проявления немотивированной агрессии. За что так боялся один из полковников, отвечающих за его подготовку, и в итоге поставивший отрицательный бал на последней экзаменовке, будучи убежденным, что внезапное проявление у Никитина подобной агрессии может провалить дело.

Но полковника тогда не послушали. По другим показателям Никитин устраивал всех (включая того же полковника) и был по сути лучший. И вот теперь такое...

Никитин уже в течении получаса избивал мужчину. Казалось, он уже получил от него все. Информации оказалось столько, что уже сейчас Никитин мог отправляться обратно, докладывая о выполнении задания, ну и заодно захватив с собой языка. Все недостающее можно будет уточнить у него,--подумал Глеб Аркадиевич, оглядывая вражеского агента (тот уже признался, что является агентом империалистических разведок; Никитин сейчас подумал, что в случае необходимости его могут перевербовать и забросить обратно в тыл врага). Но сначала его (и себя) необходимо было доставить обратно. И вот тут как раз возникла неожиданная проблема. То ли произошел сбой (знать бы, на каком уровне,--подумал Никитин), то ли еще что, но получалось так, что у Никитина совсем не было информации как и когда он должен был отправляться обратно. Как он вообще мог отправиться обратно. Ведь не мог же он навсегда остаться в стране врагов. А то, что кругом были враги, сомневаться не приходилось. Эти люди отрицательно высказывались о генеральном

секретаре коммунистической партии Советского Союза Леониде Ильиче Брежневе (бывшим у власти в стране, откуда прибыл Никитин). Причем, судя по всему, во главе государства уже находился другой генсек. Ну или,--усмехнулся Никитин,--президент, как называли по-новому должность царя Руси.

Но совсем не радовало Никитина, что коммунистическая партия хоть и продолжает существовать, но уже не играет ключевой роли в управлении государством. А некогда великую державу, державшую в страхе вражескую политику Запада, направленную на поглощение и установления контроля над другими государствами, планомерно превращают в сателлит Запада. Да и самой державы не стало. Никитин с ужасом узнал об отделении пятнадцати некогда дружественных России республик, бывших советских социалистических республик. Которые не только стали теперь самостоятельными государствами, со своими руководителями, но и уже не подчинялись (как это было раньше) Москве. А ряд государств, ранее беспрекословно подчинявшиеся Кремлю, так

и вообще стали демонстрировать явно враждебную политику.

Все это и удивляло Глеба Аркадиевича, и печаливало. А еще -- самым ужаснейшим образом настораживало. Многое ему рассказал пленный. В прошлом он и на самом деле был кадровым военным (как подумал Никитин с самого начала). Пока не ушел на пенсию, и не став подрабатывать администратором в гостинице. Где и нашел дополнительный заработок, поставляя клиентам местных проституток с близлежащего вокзала и иных сопутствующих территорий. Некоторые из проституток ошивались в гостинице (или рядом с гостиницей). Михалыч (так звали бывшего военного) находил им клиентов, за это получал свой процент с гонорара публичной дамы. И всем было хорошо. Никитин знал, что подобное процветало и раньше, в его времени. И то, что дошло это до времени настоящего-будущего – по-своему даже как-то обрадовало Глеба Аркадиевича. Он решил даже отпустить Михалыча. Но в последний момент рассудив, что тот сразу же сдаст его властям,

Никитин мужчину убил (инсценировал сердечный приступ - были у него соответствующие лекарства для этого), и срочно покинул гостиницу, растворившись в толпе большого города. Отметив, что даже название города поменяли враги, вернув Ленинграду историческое название...

Глава 2

Марк Рубинштейн иногда понимал, что вовсе он никакой и не Рубинштейн. Рубинштейном он бы вполне мог стать. Но не стал. Кем стал? Загорским. Карлом Абрамовичем. Но представлялся как Рубинштейн. Конек у него был такой,--как помнил Никитин инструкцию.

В инструкции ничего не упоминалось о том, как он должен реагировать на Загорского. Говорилось лишь, что в моменты какого-то особого воодушевления, Загорский мог представиться Рубинштейном. Почему? А черт его знает,--честно признался полковник, проводивший

инструктаж.- Была информация ('не подтвержденная',--поднял палец полковник), что вроде как из-за внешнего сходства в какой-то момент жизни Загорский возомнил себя Рубинштейном ('тот, который режиссер',--уточнил на всякий случай полковник). Но информация не подтвержденная. По другим сведениям - Загорский приходится Рубинштейну каким-то дальним родственником. Но в минуты алкогольного опьянения многда утверждает, что он ему чуть ли не брат. Что, конечно же, не так,--пояснил полковник. Проверяли.

Никитин поймал себя на мысли, что в последнее время не очень доверяет всяким проверкам. Хотя и, по долгу службы, вынужден был относиться к ним всерьез. Работа такая.

--Ты не смотри, что он придурок,-- пояснил полковник.- Там где надо - это мужик толковый. И главное,--внимательно посмотрел на Никитина полковник, словно решая про себя, может ли он доверить ему столь важную тайну.- Загорский до

мозга костей предан идее. А это в иных случаях,-- добавил он.- Быть может и самое дорогое.

На Никитина можно было не смотреть. Да и на лице его никогда никакого предательства не отображалось. Лицо у Никитина вообще было что надо. Каждый что-то хорошее находил в этом лице. Отчего такому человеку непременно хотелось доверить Никитину какую-нибудь тайну. Даже ту, которую такой человек, быть может, и не знал.

И доверяли. Не удержался и полковник. Хотя в этот раз никакой тайны тоже не было, он все равно не преминул поделиться с Никитиным какими-то своими предположениями. Чем, по его мнению, должен был расположить Никитина к себе.

Расположил.

Но никто не догадывался, что в последнее время Никитина уже начало утруждать ведомство, в котором он намеревался когда-то сделать карьеру. Когда-то - это раньше. Что сейчас хотел Никитин - мало кто знал. Быть может даже, можем предположить, не знал и сам Никитин.

Хотя, как раз сам, он, должно быть, все-таки знал. Никитину неожиданно захотелось женщину. И мысли о связном (в этой роли должен был перед ним предстать Загорский, он же псевдо-Рубинштейн) каким-то образом отделились сейчас на дальний план. По крайней мере, это было так. А вот что навеяло мысли о женщине?..

Никитин обвел взглядом окружающих. Он давно уже выработал в себе привычку проводить ассоциативную связь с возникающими у него мыслями. Так же как и замечать все, что происходило вокруг. Для этого совсем не обязательно было озираться по сторонам. Его мозг все считывал и запоминал. Чтобы вспомнить - достаточно было прокрутить цепочку событий назад.

Сейчас он понял, почему у него появились мысли о женщине. В метрах десяти от него удалялась высокая стройная блондинка.

--Лучше бы она была связной,--совсем некстати подумал Никитин. Выполнять какой-то

либо долг Родине ему на время расхотелось. Ему захотелось женщину. И он пошел вслед за блондинкой.

На удивление, та исчезла из вида.

--Проклятая баба,--недовольно выругался Никитин. Он был преисполнен решимости найти незнакомку, познакомиться и переспать с ним. Подобное у него получалось часто. Лишь в исключительных случаях его посылали подальше. Но это было редко. И хоть Никитин не понимал, почему такое все-таки становилось возможным, он каждый раз тщательно анализировал неудачу. Чтобы впредь таких неудач не было.

--Девушка,--интуитивно вырвалось у Никитина, когда потерявшаяся блондинка неожиданно возникла перед ним.- Вы не подскажете...

Продолжать не было смысла. На него смотрело такое лицо... На Никитина смотрело лицо врага. Причем у него промелькнуло в голове, что он знал этого врага. Но не мог сейчас вспомнить, кто

это был. Но то, что этот человек был ему знаком, Никитин не сомневался.

--Вы что-то хотели?- поинтересовалась блондинка мужским голосом.

--Нет, нет,--извинился Никитин.- Ошибся.

Трансвестит ушел. А Никитин задумался о том, что вместо того, чтобы отправлять его на задание, намного разумнее было бы предоставить ему отпуск. Лучше длительный.

--Подождите,--Никитин тронул за рукав трансвестита.- Мне кажется знакомо Ваше лицо.

Трансвестит собрался, было, ударить Никитина (даже сделал неопределенный взмах рукой), да Глеб Аркадиевич легко перехватил бьющую руку.

--И все же?- пытался всмотреться Никитин в лицо неадекватно реагировавшего на его слова человека.- Мне определенно знакомо Ваше лицо. Как Ваша фамилия?- зачем-то спросил Никитин.

--Рубинштейн,--представился Загорский.

Никитин театрально развел руками. Это он сделал зря. Театральный эффект оказался ни к

месту. Как только его отпустили, Загорский рванул с места. Догонять его Никитин не стал. Он знал, что по инструкции тот все равно должен на днях выйти к нему на связь. Тогда-то он с ним и разберется,-- решил Никитин. Настроение у него улучшилось. Захотелось даже спеть какую-нибудь песню. Веселую. Грустные песни Никитин тоже пел. Причем не всегда в минуты грусти. Но сейчас ему хотелось что-нибудь веселое. И он затянул... Запел Никитин 'По диким степям Забайкалья...'. Дальше были слова '...где золото моют в горах, бродяга судьбу проклиная, тащился с сумой на плечах...'. Поначалу он даже удивился, что начал петь именно эту песню. К тому же она была грустная. Но потом разобрался. Все-таки в душе его царила сейчас больше неопределенность. А значит... А значит, подобная песня была в самый раз,-- решил Никитин, и, продолжая насвистывать себе под нос мелодию, бодрым шагом зашагал дальше. В жизни еще предстояла борьба. 'И вновь продолжается бой',-- громко сказал Никитин. И проснулся.

Очнувшись, Никитин попытался восстановить ход событий, которые произошли с ним после заброски на территорию врага (то, что кругом были враги, Никитин уже не сомневался).

Выходило так, что работать ему предстояло в суровых условиях. Причем желательна была только победа. Впрочем, он обычно и не проигрывал.

.....
.....

В этот же день состоялась встреча со связным. Рубинштейн-Загорский выглядел совсем не так, как во сне. На внешний вид это был подтянутый мужчина, с прямой спиной танцора и взглядом настоящего агента. Этот взгляд пронизывал толпу, находил нужный объект, и излучал на него всю энергию, скрывающуюся доселе в теле мужчины. Такому влиянию подвергся Никитин. Он сначала было опешил, решив, что с ним продолжают происходить чудеса, начавшиеся

во сне, да потом все понял. Первое что он понял, что в последнее время он как-то отвык от контактов с людьми. Несмотря на его профессию, словно бы предполагавшую адаптироваться в любой социальной среде, это было так. Впрочем, он знал, что сможет приспособиться к любым условиям. Только вот не всегда, на его взгляд, это было энергетически оправданно. То есть он вроде как и хотел, чтобы доброта к другим людям исходила у него изнутри. Но все чаще пока признавал, что со стороны него это была вынужденная мера. Больше говорившая о необходимости (и желании) приспособиться, нежели чем об истинном состоянии души. Примерно нечто похожее и происходило, когда он увидел Загорского. Второе, на что следовало обратить внимание, это то, что на самом деле Никитин знал, что дай ему волю (и предоставь возможность самому решать, что и как) так вполне может получиться, что с другими людьми он вообще перестанет общаться. Действительно перестанет. И это было одновременно и удивительно и ужасно. Ужасно, прежде всего,

потому, что подобное внутренне отношение грозило провалить задание. Вернее, могло бы привести к провалу задания. И привести к увеличению нервозности у генералов и полковников, отправивших Никитина в секретную миссию. Но все это могло бы (пока только теоретически - могло бы) произойти в случае, если бы Никитин им о том рассказал. Но он уже был научен горьким опытом, и обычно вообще мало разговаривал. Тем более, чтобы с кем-то начать делиться тем, что происходило у него в душе?.. Нет. Подобное, знал Никитин, было себе дороже. И он как-то быстро выработал в себе недопустимость подобных откровений. Потому как знал, что подобное может вызвать нежелательные последствия.

А так - пока все, вроде как, было тихо и спокойно.

В душе Никитин понимал, что дело на самом деле может даже выглядеть совсем не так, как он, или кто-то еще, это представляет первоначально. То есть, с одной стороны - все вполне легитимно и

прозрачно. А вот с другой, иной раз могут закрадываться в это дело такие буки, что становится и очень даже страшно. Ну,-- или странно. Странно, что это все выходит именно так. И что подобное никто не видит кроме него. Хотя,-- видел ли он - иной раз у Никитина тоже появлялись сомнения.

.....
.....

Загорскому было сорок два. Длинный, сутулый, худой и нескладный, этот человек, тем не менее, был на удивление весел и доволен собой. Производил, по крайней мере, такое впечатление. И вполне можно было говорить, что все у него в жизни складывается хорошо.

Но Никитин знал, что так говорить было нельзя. Загорский был неврастеник. А вся его веселость объяснялась наличием у Загорского налета параноидального бреда с манией величия. Поэтому и воображал он себя порой черт знает кем. И заговаривался. Но...

Но Никитину это все было совершенно безразлично. После того, как Загорский предстал перед ним в образе трансвестита (пусть это было и во сне), Глеб Аркадиевич бессознательно боялся повторения подобного. Поэтому, когда в их первую встречу в реале, в образе Загорского он увидел в первую очередь мужчину (пусть и с несколько размытыми маскулиными качествами), он понял, что его, в общем-то, все устраивает.

Была, правда, одна проблема. При виде Загорского Никитин напрочь забыл, зачем должен был встречаться со связным. Тем более его предупреждали, что сам связник немного с прибамбасом. Но другого, мол, нет. Да и руководящими функциями наделялся Никитин. Поэтому, вроде как, проблем возникнуть не должно.

Но Никитин не помнил, какую информацию должен был передать связнику? И должен ли был вообще что-то передавать? Или... Никитин попытался взять себя в руки. Выходило так, что если встреча со связником должна была состояться,

то значит, это было как минимум необходимо кому-то из них. Или Центру,--неожиданно подумал Никитин, и выстраиваемая, было, в его голове цепочка рассуждения разрушилась вновь. У него промелькнуло мысль вообще развернуться и уйти. Но усилием воли он запретил даже думать об этом.

--Решу по ситуации,--подумал Никитин, и шагнул навстречу медленно идущему на него, и смущенно улыбающемуся, Загорского.

--Никитин,--протянул руку Глеб Аркадиевич. Все также улыбаясь, Загорский прошел мимо.

--Вот же сука,--сплюнул Никитин.

--Загорский!-- крикнул он, повернувшись к удалявшемуся от него связному.- Загорский, кончай валять дурака. Я Никитин.

На свою фамилию Загорский отреагировал не совсем адекватно. Это стало заметно по его, разом побагровевшим, шее и полулысой голове.

Однако, когда мужчина обернулся к Никитину, то Глеб Аркадиевич увидел вполне

нейтральное (без выражения излишних эмоций)
выражение лица связного.

--Мы знакомы?- лицо Загорского приняло несколько удивленный вид. Казалось, оно говорило - 'вы что? Разве мы знакомы? Что-то не припомню? Да я вас и не знаю. Уходите, уходите прочь. Мне совсем не хочется тратить время на новое знакомство'.

--Мы знакомы,--уверенно кивнул Никитин, отгоняя желание пробить придурку в челюсть. То, что перед ним был явный придурок, Никитин уже не сомневался. Но он в очередной раз сдержался. И продолжал изучающее разглядывать Загорского.

Недоумение на лице мужчины, выбранного на роль связного, сменилось мучительной мыслительной деятельностью по вспоминанию Никитина. По всему, вспомнить пока не удавалось.

--Зачем вы меня обманываете?- недовольно пробурчал Загорский, собираясь, было, уйти.

--Я из Центра,--спокойно произнес Никитин, слегка попридержав придурка за локоток.-Мне о вас рассказывал... Никитин назвал фамилию офицера,

отвечающего за заброску Загорского. Загорский недоуменно посмотрел на Никитина.

--Что?-не понял Никитин.

--Я не знаком с ним,--признался Загорский.

--Вы Загорский?-уточнил Никитин.

--Да,--кивнул тот.

--Феликс Иванович?

--Да.

--Так какого же тогда черта...--хотел было произнести Никитин, как вдруг вспомнил что его предупреждали о некоторых странностях связного.- Хорошо,--улыбнулся Никитин. Но про меня-то вам известно? Ну, то что я должен появиться,--пояснил Никитин, уже понимая что с таким связным он намучается.

--Да,--утвердительно кивнул Загорский.

--Ну, это уже другое дело,--улыбнулся Никитин, отгоняя предательский вздох прорывавшегося отчаяния.

Какое-то время мужчины стояли друг напротив друга. Никитин пытался поймать взгляд Загорского. Не получалось. Тот отводил глаза, и

вообще, судя по всему, был не предрасположен ни к какому общению.

--Послушайте,--внимательно посмотрел на него Никитин.-Как я понял, вы просто решили провалить задание. ('Проброс' глазами на Загорского. Выражение лица того оставалось безучастным'.)-Хорошо,--улыбнулся Никитин.- Тогда я прошу вас сообщить в центр, что вы выходите из игры. И чтобы мне прислали нового связного. В отличие от вас, я привык доводить начатое до конца. ('Снова взгляд на Загорского. Тот же, казалось, вообще думал о другом'.)

--Треснуть бы по его лысой голове,--неожиданно подумал Никитин.

Видимо Загорский подумал о том же, а потому инстинктивно прикрыл свою голову руками.

--Вот дурак,--вздыхнул Никитин.

Связник на удивление молчал.

--Подождите,--не понял Никитин.-Вы решили предать нас и нашу идею...

--Да какая к черту идея!-неожиданно взорвался Загорский. Но Никитин не дал ему

договорить. Оглянувшись, Глеб Аркадиевич заметил слезку в лице двух странного вида прохожих, стоявших около витрины, и в отсвечивающемся от стекла отображении следившим за встречей агента со связным.

Повернувшись от Загорского, Никитин пошел быстрыми шагами, боковым зрением пытаясь уловить действия тех, кто за ним следил. На удивление, те продолжали рассматривать витрину.

Почувствовав себя в дурацком положении, Никитин ускорил шаг, продумывая то, как он сообщит центру о предательстве Загорского.

.....
.....

Все чаще у Никитина было неважное настроение.

Иногда он понимал, что очень и очень запутался. И даже чувствовал, что еще немного, и запутается окончательно. Так, что уже будет и не выпутаться.

Причем случалось, что и наоборот, Глеб Аркадиевич чувствовал необычайное просветление сознания. В такие минуты дела у него ладились. И ничто не предвещало беды.

Да и если разобраться, беды, быть может, и вообще не должно было быть. Просто так казалось Никитину, что еще немного, и может случиться какое-то непоправимое несчастье. Признаки усталости и невроза, --отрезал как-то коллега Никитина, с которым он решил поделиться состоянием души. Больше Никитин никому не рассказывал, что с ним иной раз происходит. Он был опытным сотрудником. Поэтому случившуюся через время обязательную комиссию прошел успешно, скрыв любые свои симптомы, и был рекомендован для засылки в тыл врага. Куда вскоре и был благополучно заслан. И где, собственно, находился сейчас. В тылу. Врага. А уже в том, что кругом были исключительно враги, Глеб Аркадиевич нисколько не сомневался. Если даже связной оказался предателем, что уж было говорить...

.....

.....

Феликс Иванович Загорский, средних лет мужчина с остро заточенным лицом, как-то особо никогда не стремился становиться разведчиком. А потому, когда по линии ВЛКСМ ему предложили поступать в вуз соответствующего профиля, он немного удивился. Удивился своему согласию и внутреннему убеждению, что он чуть ли не этого как раз и искал. Нет. Загорский понимал, что вполне обманывает себя. Разведчиком становиться он никогда не желал. Какое-то время он даже вообще не знал, кем хотел стать. Почти все (возможные) специальности казались ему... ну, нереальными какими-то. То есть они существовали, конечно. (А раз по этим специальностям работали люди, то, конечно же, существовали.) Но вот сам Феликс никак не мог представить, что он хотел бы работать по какой-нибудь из них. Поэтому после школы юноша решил пока изучать языки на филфаке. А

уже потом как-нибудь определиться с выбором будущей профессии (с детства Феликс неплохо владел двумя языками, английским и немецким; в институте смирился с тем, что придется выучить еще финский и шведский).

Однако в институтские годы Феликса неожиданно увлекли не языки, а общественная жизнь. На одном из старших курсов он готовился вступить в партию (вступил), жениться (женился), родить ребенка (не родил), и сделать партийную карьеру. С партийной карьерой вышла заминка. На 4-м курсе он получил предложение сотрудничать с органами. Согласился. А сразу после окончания вуза Феликс Иванович Загорский стал приносить пользу Родине, работая в разведке.

И все было бы хорошо, если бы не последняя его засылка. Там вообще все было не понятно. Вроде как и та же страна, но страна другая. И получалось так, что, отправляясь из Советского Союза, он попал в свою страну, но в другое государство. Советского Союза уже не было. И жить на территории, где находилось ставшее

правопреемником великой империи государство, Загорскому не очень хотелось. Хотя он был пока и не волен что-либо решать. Продолжая служить Родине за границей (ему пришлось внушить себе, что это была заграница). И даже вполне сносно выполнять свои обязанности.

.....
.....

Уже как месяц Загорский хотел тишины и покоя.

Он мечтал купить домик в деревне, и писать мемуары. И в перспективе уже вполне мог начать писать. А пока хотел просто отдохнуть. Вдали от шума улиц больших городов, в которых провел жизнь.

Но, пожалуй, самое печальное было не это. В последнее время Феликс Иванович стал мучиться проблемой, в которой, в общем-то, ему было неудобно признаться.

А дело все в том, что Загорский стал мечтать о женщине. Не просто о женщине, а о женщине мечты.

В жизни его было не так много женщин. По крайней мере намного меньше, чем считали другие. Даже информация, которая имелась в досье на него (на его работе), весьма разнилась с истинным положением дел. Потому как на деле - встретились в жизни Феликсу Ивановичу всего несколько женщин, с которыми он попытался удовлетворить свою необузданную страсть. Причем это получилось у него не полностью. Отчего закралось в душу его великое сомнение. Потому как понял он, что на самом деле такую женщину, с которой полностью мог бы реализовать все свои сексуальные фантазии - он не найдет. Не найдет, потому как было тут несколько вводных. Ведь если рассудить, Феликс Иванович мог бы снять проститутку, и удовлетворять с нею страсть помногу раз и в самой, что ни на есть, извращенной форме.

Но вот в том-то и дело, что для него это было неприемлемо. Неприемлемо спать с проституткой. Да и не всякая проститутка согласится на подобное,--быть может, рассудил Загорский. А может, просто стеснялся признаться женщине, что он хотел от нее. А таких женщин, которые бы сами проявили инициативу - по ложной скромности он сторонился. Мечтая о тихой, и даже несколько забитой даме. Которая ни в коем случае не должна быть дамой светской. А скорее,-- провинциальной девушкой. Скромной и беззаветно преданной ему, его идеям; а к тому же была бы еще умна, красива, носила очки, имела эротичные формы (со слегка объемными выпуклостями) и обширные сексуальные фантазии. Ну, там, ни с кем бы до него еще не вступала в интимные отношения, ну и прочее, прочее, прочее.

И от невозможности встретить подобную девушку (от осознания этого) Феликс Иванович давно собирался закрыться в себе, любить сам себя, и тихо мечтать. Сожалея, что мечте его, в общем-то, и не уготовано сбыться. Никогда.

И уже это, в свою очередь, вводило его в самую, что ни на есть, печаль, и, быть может, служила даже образованию тревоги.

А может наоборот - вызывало тревогу, и провоцировало развитие печали и трагедии.

И все было бы еще хорошо (ведь научился он со временем справляться со своей грустью), но как-то незаметно проходило время; Загорский становился старше; достигал в жизни каких-то раннее запланировал целей и задач. И старался не думать о том, что самая главная мечта его жизни так и не реализовалась. Не реализовалась. И у него, по сути, уже и не было времени (и сил, и надежды, и даже - боялся признаться, но почти было так - желания), чтобы, в конце концов, добиться того, чего он желал.

И в итоге уже получалось, что в какое-то время Феликс Иванович Загорский понял, что если так будет продолжаться и дальше, то он совсем перестанет мечтать. Разучиться. Разуверившись во всем, что его окружает, и что ожидает в будущем.

Потому как в будущем его... В будущем его,--
подумал как-то Загорский.-Уже ничего и не
ожидает.

И как только подумал он о том, все его идеи,
желания, недавние устремления, и свершения (то
есть реализация недавних устремлений) показались
Феликсу Ивановичу настолько мелочными, что он
решил раз и навсегда (решительно и бесповоротно)
изменить свою жизнь. Ну, а так как в последнее
время он как-то уж очень сильно уставал на работе,
то Загорский решил, что во всем, фактически,
виновата эта работа. Тот образ жизни, который он
вел, и тот образ (искусственный и совсем не им
созданный), которым он должен был
соответствовать.

Ну а уже дальше он понял, что на самом
деле что-то изменить ему будет сложно. Но верил,
что возможно. И эта вера была его своеобразной
гарантией на продолжение жизни. И - на выживание
в этой жизни.

Что же касается встречи с Никитиным... Так в момент встречи на Загорского как раз накатили те самые (мрачные... слишком мрачны...) мысли о до сих пор нереализованной мечте. А с такими мыслями... Ну, в общем, какая может быть работа с такими мыслями... Работа, и долг перед Родиной, уже как бы отходили на второй план. Может он и действительно был предатель?..

Может. Вполне может. Тем более что мог признаться, что давно уже не верил Родине. Не верил, но любил ее. Любил? Ну, наверное, еще продолжал любить. Но уже любовь эта была некая специфическая. И напоминала больше привязанность и приверженность чувству долга. Может даже и не самому долгу. Но тогда...

Безразлично ему стало все вокруг.

Женщину. Феликс Иванович Загорский хотел женщину. И старался ни о чем другом не думать.

Глава 3

Никитина беспокоили совсем иные проблемы.

Женщины. Какие там женщины. Ему, если разобраться, женщины сейчас и вовсе были безразличны. Да и какие могут быть женщины, когда на кон поставлена карьера и вообще достижение мечты. Ведь у него тоже была мечта. Вот только она весьма разнилась с той, которая манила своим неосуществимым величием Загорского. Никитин мечтал не о женщине. Никитин мечтал о том, что наконец-то (и когда-нибудь!) узнает свою миссию! Верил он, что жизнь дана ему не просто так. Что существует некая определенная миссия, которую он должен был унаследовать (пока не знал от кого) и благодаря реализации которой должен был достигнуть всех земных благ, о которых только может мечтать человек.

Не прост, совсем не прост был этот человек. И знал он, что существует на свете нечто, некая,

быть может даже, тайна, разгадав которую он станет управлять миром. Ни больше, не меньше.

Ну а для этого надо работать. Много работать. Работать и стремиться приближать эту свою миссию. Пока не знал он, в чем она должна заключаться. Но это было даже и не важно,-- рассудил как-то Никитин раз и навсегда (чтобы лишний раз не возвращаться к подобным вопросам, мучая себя). И можно даже сказать... Ну, в общем, пока Никитин в этом боялся признаться даже себе, но он уже начинал жить в некой - еще одной - реальности. Открыл эту реальность. Неожиданно открыл. Реальность эта начиналась в некоем параллельном существовании. Причем, простиралась весьма далеко. Так далеко, что, сколько он не пытался, границ ее пока не видел, и даже считал, что тех, быть может, и вовсе не существует. Совсем. В той реальности, в какую он иногда погружался, подобное бывает.

Причем, можно было заметить (следовало заметить), что на самом деле Никитин пока опасался уж слишком явно погружаться в эту реальность

(уже, видимо, стоило говорить об ирреальности). Так же как опасался с полным правом подойти к разрешению загадки существования бытия. Ведь в этом случае стало бы все слишком просто. Да и неинтересно, наверное. Тогда как теми шагами, которыми шел он, можно было достичь весьма и весьма многого. А то и всего.

Не сразу, конечно. Пусть даже и не сразу. Но он ведь умел ждать. Вернее - занимаясь ожиданием практически всю жизнь - Никитин не разучился ждать. Да и какие, по сути, были его годы. Сорок лет. Еще можно сказать...

Всякий раз, когда Никитин (вольно или невольно) вспоминал о своем возрасте, он испытывал ощущение какой-то неудовлетворенности. Ему казалось (да что там, он знал об этом), что чего-то основного он в своей жизни сделать так и не успел. Вроде как и находился где-то поблизости, вроде и нащупывал уже нечто, после чего должно было щелкнуть что-то в его мозгу, символизируя окончание очередного,

быть может даже и ключевого этапа в жизни; ан нет. Не получалось. Все время оказывалось, что еще рано. Он понимал, что рано. Понимал, что еще многое, по сути, впереди. Но так он мог говорить себе, когда был молод. Сейчас, когда уже практически идет вторая часть жизни (Никитин вспомнил, что Данте отмерял вторую часть жизни после 35-ти), Глеб Аркадиевич все отчетливее начинал понимать, что, по сути - ничего еще в его жизни по-настоящему и не начиналось. А то что было, что уже произошло, в лучшем случае могло считаться лишь подготовкой к чему-то существенному и важному, что... что наверняка, когда-нибудь произойдет, --подумал в очередной раз Глеб Аркадиевич, решив, не форсировать события, и дожидаться своего часа. Продолжать работать, в общем. Трудиться, верить и ждать. Ждать, когда наступит этот час. Ждать, ждать, ждать... Сколько раз в своей жизни он уже занимался ожиданием. Вполне уже даже можно было сказать, что он всю жизнь чего-то (или кого-то) ждал. Успел последовательно закончить два института. Подал

документы в аспирантуру. Но когда собрался сдавать экзамены, получил неожиданное предложение работать в системе безопасности. Государственной безопасности.

Согласился (много ли тех, кто не соглашается?). Был принят на работу (попутно закончив высшие курсы Комитета Безопасности).

Сейчас официально Никитин работал сотрудником какого-то полузакрытого НИИ. И от него же он, кстати, и был направлен сейчас для выполнения ответственного ('весьма ответственного',-- он помнил уровень человека, курировавшего программу заброски) задания. И по всем критериям должен быть преисполнен решимости идти до конца.

У Никитина вновь испортилось настроение. Думать о задании ему не хотелось. Каждый раз, когда он вспоминал о цели, ради которой находился в этой стране, у него портилось настроение, и начинала как-то по-особенному болеть голова.

Почему? Ведь наверняка должно было что-то быть такое, что беспокоило бы его в первую очередь. Он знал. Он, конечно же знал, что это было. У Глеба Аркадиевича вообще была привычка анализировать любую ситуацию, в которую попадал или мог попасть. И уже согласно именно этой, нынешней, ситуации - все дело заключалось всего лишь в одной проблеме. Он не понимал, как ему выполнить задание. Не понимал...

Нет, конечно же, он мог просто, как ему было велено, осваиваться в новой для себя действительности. Для того, чтобы в нужный момент (когда он наступит -- никто, по крайней мере, Никитин, не знал), предстать перед начальством (и перед тем, кто курировал проект, -- 'наверняка генерал не удержится, чтобы узнать все из первых рук', -- подумал Никитин), и честно рассказать обо всем. А потом еще и ответить на все - задаваемые - вопросы.

Но вот здесь-то и заключалась главная проблема. Находился на новом месте он уже достаточно продолжительное время, а еще так и не

выработал... ну, в общем, он так и не узнал ничего из того, из чего в последующем можно было сделать какой-то анализ. Ничего. Совсем ничего не узнал.

И от этого не только расстраивался, но и уже готов был отчаяться. Хотя и отчаиваться ему было не положено, как говорится, по статусу. Ведь в него верили люди.

'Верили люди',--задумался Никитин.

Он тяжело вздохнул. По большому счету, вся эта вера или неверие - было еще одно, что весьма удручало Глеба Аркадиевича. Это раньше он воодушевлялся от всего, на что сейчас, быть может, и вовсе бы не обратил внимание. Да и сейчас бы...

'Сейчас бы хорошо было...!--Никитин так и не продолжил фразу. Боялся. Он боялся признаться себе, чего ему по настоящему хотелось. Потому как хотелось ему фактически одного: чтобы его поскорее оставили все в покое. Он хотел покоя.

Никитин испуганно оглянулся. Впервые он сформулировал то, чего ему по-настоящему хотелось. 'Покоя',-- он повторил это слово, как бы пробуя его на вкус. На вкус оно казалось немного

терпким, и каким-то по-настоящему приятным.

Покоя...

Удивительно, но каким-то таинственным образом Никитин нащупал то, что (точно также как и ему) хотелось Загорскому. И видимо потому, они неожиданно сблизились.

И совсем не водка их сблизила, как посчитал бы кто-то в центре (специфика организации накладывала следование определенным стандартам: и за Никитиным и за Загорским следили люди, забросившие их, получая донесения от агентов, о которых ни знал ни тот ни другой - но которые, на всякий случай, оказались заброшены - кто позже кто раньше, сменяя друг друга, и забрасывая донесениями центр - в отличие от 'стариков' Никитина и Загорского, агенты были молодые ребята, стремившиеся выслужиться - о происходившем). Хотя именно за водкой эти два человека 'нашли' друг друга. И - подружились.

Глава 3

Карелиус задумался. По всему выходило, что ситуацию самым серьезнейшим образом эти два придурка проваливали. Карелиус был заместителем куратора проекта. Обладая неприметной внешностью, он обладал удивительной способностью появляться в самых неподходящих местах. Причем со временем можно было вывести даже некую закономерность. Там где появлялся он - было не все хорошо. Или точнее - не все хорошо до его появления. С его же появлением, любой вопрос непременно решался. Хотя, зачастую, и совсем по удивительному, иной раз, сценарию.

Нельзя сказать, чтобы Карелиус ненавидел людей. Он их просто не любил. В иных случаях даже презирал. Презирал слабых людей, конечно же. Впрочем, и у сильных он тотчас же стремился найти слабые стороны. После чего начинал чувствовать успокоение. И уже не воспринимал противника (а любой человек был для него, прежде всего, противником) всерьез. А значит... а значит и на самом деле испытывал чувство успокоения.

Карелиусу нравилось управлять людьми. Нравилось делать так, чтобы в итоге выходило исключительно, как задумал он. Для него так было действительно легче. Все за всех продумать.

И изначально продумывая, Карелиус мог признаться, что и в свои пятьдесят,--жизнь следовала по программе, заложенной им раньше. Намного раньше, чем он получил тот высокий пост, который закрепил в его сознании статус руководителя. И благодаря которому Виктор Степанович реализовывал любые свои властные амбиции. Ну, или, практически любые. Да и в любом случае, решать о статусе заданий должен был не он. Для него каждое задание делилось на два подраздела. Оно могло быть или важным, или сверхвлажным. И третьего было не дано.

Карелиус еще раз просмотрел в своей памяти полученные донесения. Согласно им, Никитин и Загорский упорно и настойчиво проваливали задание.

'Нет, это не диверсия',--задумался Карелиус. Он знал, что ему на самом деле хотелось бы признать это диверсией, чтобы наказать виновных. Много было врагов. Слишком много их было всегда в стране. Какую-то часть смог уничтожить Сталин. Но не всех. Далеко не всех. Да и, тем более, у тех врагов, недобитков советской власти, уже появились дети, а у кого-то и внуки. Они то и способны были в любой момент поднять если не вооруженное восстание ('на это силенок бы не хватило',--усмехнулся Карелиус), то, по крайней мере, организовать саботаж и диверсии. Он, именно он, Виктор Степанович Карелиус должен был находить, выявлять, разоблачать... По своей должности и статусу был обязан. И, по сути, всегда самым непримиримым и отчаянным образом относился к врагам империи, державы, к врагам его любимой страны - Союза Советских Социалистических республик. Было начало 80-х. И вполне выходило, что он еще успеет застать то время, когда наступит коммунизм. Этого он ждал, желал, и к этому стремился.

.....

.....

Карелиус готов был самым жесточайшим образом выявлять тех, кто был не только скептически настроен к его любимой власти, строю, режиму, но и чинил всяческие препятствия построению светлого будущего. В подчинении у Карелиуса были огромные силы. И прежде всего власть. Он располагал неограниченной властью. Он сам пришел к этой власти. Добился ее своими способностями, стремлением (сколько он себя помнил, у него всегда было такое стремление) добиться самых значительных постов в своей жизни. И добился. Сейчас он уже мог сказать себе, что многого добился. У него была генеральская должность (хоть он, по сути, всегда оставался штатским). За ним был закреплен огромный штат сотрудников, большинство которых он отбирал сам (когда-то он получил на это все полномочия и пользовался ими), которые были преданы ему, и на

которых он мог рассчитывать. Рассчитывать, но не положиться. До конца положиться он не мог ни на кого.

И словно подтверждением этому служило то, что иной раз что-то начинало идти не по его плану.

И тогда он самым серьезнейшим образом анализировал ситуацию, принимая безотлагательные меры. Меры, направленные на достижение запланированного результата. Ведь сомневаться в результате никто не должен был. Разве что он мог признаться себе, что если ему не удавалось до конца держать под контролем ситуацию, то... то можно было в успехе сомневаться. И хотя подобное никогда не происходило по его вине, переживал подобное Карелиус серьезно. Например, когда его шеф (шеф Комитета Госбезопасности) санкционировал заброску именно Никитина, Карелиус как мог противился этому. Но вступать в явное противоборство с вышестоящим начальством (тем более руководителем ведомства) - было не в правилах Виктора Степановича. А потому он до

времени смирился. Но увеличил оперативную работу. Послал следить за Никитиным своих лучших людей (специально им когда-то отобранных для такого рода мероприятий). И результаты не заставили себя ждать. Вскоре Карелиус уже знал, что Никитин враг. И связной Загорский - тоже враг. А с врагами Карелиус привык поступать по одному сценарию. Сначала он еще больше провоцировал тех на предательство (посредством выполнения какой-нибудь глупости, и, фактически, провалу). А потом... потом они подлежали уничтожению.

Причем, любые кассации со стороны таких людей вышестоящему начальству уже были бесполезны. Карелиус подчинялся только директору Комитета. И тот пока полностью доверял ему. А значит, любые апелляции были бесполезны. Враг подлежал уничтожению. Или, вот какое правило еще любил Карелиус: если враг не сдается - он подлежит уничтожению.

И Виктор Степанович готов был уничтожить любого, кто стал бы на пути партии и правительства. И, прежде всего, на его пути.

Неожиданно в кабинет Карелиуса зашел помощник.

Виктор Степанович вопросительно вскинул брови. У него было суровое, властное лицо. Это только в обычном, в расслабленном, состоянии по внешнему виду Карелиус был неприметен. На самом деле он был суров и властен.

--Чего тебе?- жестко спросил он помощника.

--Новое донесение из объекта 'П' (кодовое название объект 'П' имело то место, куда отправился Никитин. Между посвященными оно еще называлось - 'Светлое Будущее'. Причем, поговаривали, что Карелиус сам придумал такое название. Иногда у него проявлялось чувство юмора. Правда, иной раз, в самых неподходящих местах).

Помощник положил на стол папку с донесением, по-военному развернулся назад и вышел.

Карелиус нехотя достал донесение и стал читать. Он уже сделал свои выводы. И ему было

совсем не нужно, чтобы кто-то из двух засланных агентов стал исправляться, и пришлось бы менять решение об их уничтожении.

На миг его глаза просветлели. Очередное донесение только подтверждало уже принятое решение в отношении двух предателей Родины. Агенты докладывали, что Никитин и Загорский уже несколько дней как пьют, забравшись в публичный дом, где высказывают даже мысли антисоветской направленности.

Карелиус нажал кнопку селекторной связи. Через секунду к нему зашел помощник.

--Вот приказ об этапировании этих двух мерзавцев назад,--протянул Карелиус документ помощнику.-После доставки - негодяев с докладом о проделанной работе ко мне,--распорядился он.

Помощник удивленно поднял глаза.-Может сразу в камеру Лубянки?

Карелиус недовольно поморщился.

--В этой операции заинтересован...--

Карелиус поднял глаза вверх.-Поэтому давай уж сначала этих отщепенцев ко мне.

Помощник кивнул, но не уходил, продолжая смотреть на начальника.

--Ну, а потом мы их...

Помощник радостно осклабился, согласно кивнул, и, развернувшись, вышел.

.....

.....

На следующий день Карелиусу сообщили, что агенты потеряли Никитина и Загорского.

--Послать новых людей,--распорядился Карелиус.-Старых вернуть и расстрелять.

--Есть,--радостно отрапортовал помощник. Он любил подобные приказы своего начальника. И не то, чтобы он так любил расстреливать (на самом деле расстреливал не он). Просто больше всего на свете помощник Карелиуса любил справедливость. И своего начальника. Который был гарантом этой справедливости.

Глава 4

Наверняка так получалось, что Альфред Мойшевич Шмеерсон давно уже должен был признаться себе, что та схема, которую он выстраивал все эти годы, по сути, оказывалась неверной.

И при этом ему так хотелось верить, что это не так. Так хотелось верить, что годы напряженного труда не должны быть выброшены на свалку. И та теория, на которую он надеялся, сможет еще выиграть по-новому. И принести результаты, о которых так иногда мечтал Альфреду Мойшевичу.

Но мечты грозили не сбыться. С каждым прожитым годом (сначала годом, а теперь и днем), Альфред Мойшевич понимал, что он начинает элементарно запутываться. Что где-то в его теорию закралась погрешность. И все что нужно...

--Черт его знает, что на самом деле нужно,-- в сердцах выругался Альфред Мойшевич.

Вообще-то он не ругался. В жизни это был степенный и умудренный жизненным опытом

старичок, которому недавно исполнилось семьдесят лет, и который совсем был не готов закончить свою жизнь, не закончив собственную теорию.

Теория была достаточно любопытна. Суть ее сводилась к одному: согласно этой теории Альфред Мойшевич выводил ряд формул, которыми каждый человек мог пользоваться в зависимости от жизненных ситуаций. Разрешая эти ситуации удивительным образом. И находя выход даже там, где ранее никто не мог этот выход найти. И казалось, что выхода не было.

Он был. Согласно теории Шмеерсона, выход был в любой ситуации. Достаточно было только правильно расставить акценты. Ввести определенную погрешность. Задать получаемым результатам определенную последовательность. И все сразу становилось на свои места. А сам человек, радостный и возбужденный от найденного решения, способен был идти дальше в своих жизненных свершениях. Да и вообще, в будущем перед ним не должно быть уже никаких серьезных проблем. А сама жизнь, если и казаться загадочной, то у такого

человека должна уже быть уверенность, что подобную загадку он очень даже легко разрешит. Сможет разрешить. Будет способен разрешить.

.....

.....

Альфред Мойшевич Шмеерсон и верил и не верил в свою теорию. С одной стороны, она казалась ему уже чуть ли не окончательно законченной (так, осталось несколько штрихов-набросков). С другой... А вот с другой стороны, Альфреду Мойшевичу казалось, что работа и не начиналась. И все, что он накопал до этого, было полным бредом и откровенным безобразием. Об этом ему сказал его коллега (по институту политических исследования академии наук), который не только в пух и прах разбил теорию Шмеерсона, но и выдвинул предположение, что Альфред Мойшевич выжил из ума. И все, что ему сейчас следовало, это пройти срочное медицинское освидетельствование в соответствующего профиля

клинике. Ну или сразу признаться что болен,-- заметил коллега,--чтобы врачи в срочном порядке попытались замедлить процессы... ну в общем,-- посмотрел он на Шмеерсона (словно раздумывая: говорить - не говорить),-- необратимые процессы в головном мозге.

Альфред Мойшевич с коллегой не согласился. И после этого перестал с ним общаться. Он вообще готов был уволиться из института. На пенсию. Которую давно заслужил (проработав всю жизнь на благо науки), но на которую уходить ему пока не хотелось. Чувствовал он в себе силы, которые могли бы еще принести пользу в деле процветания страны. Хотя и уже давно (после развала страны в результате предательства бывшей партийной элиты) понимал, что стране какие-либо его разработки безразличны. Этой стране пока хватало того, что оставалось после продажи полезных ископаемых. А вся разрабатываемая им методология...

И все же Альфред Мойшевич не сдавался. Практически все время он проводил над завершением создания своей теории. Веря в то, что когда закончится эпоха перемен (не дай бог жить в эпоху перемен,--вспомнил Шмеерсон Конфуция), все его разработки окажутся очень даже полезными и необходимыми. А значит, он мог быть уверен (и спокоен, конечно же, спокоен), что сегодняшнюю работу делает не зря.

Неожиданно Шмеерсон получил довольно странную информацию от молодого человека, некоего Никитина, который утверждал...

В то, что он утверждал, Шмеерсон поверить пока не мог. По словам Никитина, оказывалось, что недавнее прошлое, которое вроде как уже было безвозвратно потеряно, на самом деле и не потеряно вовсе. И в любой момент он, Альфред Мойшевич может туда вернуться. Ну, если предположить что сейчас начало нового столетия,--задумался Шмеерсон,--то, по словам молодого человека, выходило, что можно было возвратиться в начало

80-х годов. В старую добрую советскую Россию, в Советский Союз, который профессор Шмеерсон очень любил, и с развалом которого до сих пор не мог смириться.

От подобных мыслей у Шмеерсона поднялось давление. Выходило так, что в один момент можно было добиться того, что он, по правде говоря, всегда хотел. Но даже в самых смелых фантазиях разрабатываемой им теории, он не мог предположить, что сможет когда-нибудь попросту оказаться, пусть и в недалеком, но прошлом. Ведь что такое прошлое? Прошлое, это зачастую самое желанное, что только может существовать у любого человека. Никакое будущее не сравнится с ним. Ничто в этом самом будущем не может быть такого, чтобы хоть на грамм перевешивало на счастье, что было у Шмеерсона в прошлом. Когда он пользовался не только уважением, но и соответствующими этому уважению материальными благами. Которые стали постепенно (а то и резко, добрая душа Шмеерсона

не хотела никого критиковать) сокращаться сначала после начала Перестройки, потом после развала Союза, а в дикие 90-е годы и вообще, профессор Шмеерсон стал получать столь низкое жалование, что если бы не природная предрасположенность и общая ориентированность на нищенство (ну, то есть, на то, чтобы ставить во главу угла дело, а не материальные принципы стимулирования), то и не выжил бы Альфред Мойшевич в эпоху дикого рынка. Когда любая наука стала безразлична. А прежние ученые выживали, торгуя в палатках у вновь испеченных капиталистов.

Правда, у Альфреда Мойшевича еще был брат, двоюродный, Людвиг Карлович, и племянник, Изя. Изя и Людвиг Карлович занимались каким-то странным бизнесом, в суть которого никогда не посвящали дядю и брата. Но с недавних пор, благодаря этому бизнесу, Альфред Шмеерсон стал получать существенную прибавку к заработку. И даже получил грант (от брата и дяди), и уехал работать за границей.

Он только недавно вернулся. И почти сразу же столкнулся с Никитиным. Который и озвучил ему столь странное предложение.

--И Вы говорите, можно вполне свободно оказаться в прошлом?- в который раз, жуя кончик своих усов, уточнял Шмеерсон, изучающее поглядывая на молодого человека.

--Можно,--кивнул Никитин. Никитин уже даже устал доказывать старому еврею, что все возможно. И его немного удивляло, что тот никак не мог до конца поверить в возможность этого.

--Ну, а как все это будет выглядеть?- не унимался Шмеерсон, в который уже раз задавая один и тот же вопрос, выслушивая подробный ответ, и через время, задавая этот вопрос вновь. Хотя может быть, ответ все же был не полным. И Альфред Мойшевич хотел что-то для себя окончательно уточнить, чтобы потом, выяснив все раз и навсегда, согласиться.

Ну, или не соглашаться. Пока скорей всего он согласиться не мог. Ну, никак не укладывалось в его голове то, о чем говорил ему Никитин. Это не

увязывалось с теорией диалектического материализма, к которому Альфред Мойшевич был фактически всегда предрасположен. И хотя за время работы над собственной теорией многое уже перевернулось в сознании Шмеерсона, кое-что он все-таки понять не мог. Понять не мог до конца. Улавливая какие-то моменты-частицы наполняющего его сознание разума. И чего-то поверхностного, витающего в воздухе (что вполне можно было отнести к подсознанию, но мы пока не будем).

Итак, Шмеерсон просил уточнений.

Никитин, в очередной раз услышав о подобном желании Альфреда Мойшевича, захотел дать тому по башке. Сдержался. Он давно уже сдерживал в себе подобные желания. Сейчас он стал лояльнее к людям. Ну и что, что много придурков. Зато большинство из них - добрые и честные люди. Даже быть может наивные. В своей глупости.

Никитин, постаравшись не упустить даже мелочи, все объяснил еще раз.

--Ну, а как же я окажусь в прошлом?-не унимался Шмеерсон.-Не могу же я так просто, взять и взлететь. Должна, как минимум, существовать какая-нибудь установка для транспортиации... Ну или еще что-то, типа барокамеры, например. Заходя в которую и запуская определенный код, я...

--Нет,--жестко оборвал размышления Шмеерсона Никитин.-Механизм отправки держится в таком секрете, что о нем не знаю даже те, кто уже транспортировался подобным образом. Я только знаю ('и об этом смело могу Вам сказать',-- посмотрел на Шмеерсона Никитин) что все пройдет успешно. Да и вам совсем не надо сейчас об этом думать. Вы должны готовиться оказаться в том времени, когда еще все было хорошо, когда в стране еще не было столько предателей родины ('по крайней мере они таились в подпольях',-- улыбнулся Никитин), когда мы строили тот строй, к которому фактически и вы и я (Никитин предательски прекрасно поднял вверх указательный палец и заговорщески подмигнул Шмеерсону) всегда стремились. Ну и фактически жили при лучшем

строе на свете,--закончил Никитин.-Причем, не только жили, но я ведь именно оттуда и прибыл. И предлагаю Вам отправляться со мной. В прошлое, которое будет почестнее любого светлого будущего.

--Так-то оно так...--тяжело вздохнул Альфред Мойшевич (на миг ему показалось, что перед ним сейчас находится его отец -- Мойша Давыдович).-Но вот хотелось бы мне, молодой человек,-- Шмеерсон осторожно посмотрел на Никитина,-- каких-нибудь гарантий...

Никитин не сдержался. Сначала он вскочил (именно вскочил). А потом... потом он сдержал себя. И не двинул Шмеерсона по голове (как, было, уже собирался). Вместо этого он сел, закурил (в 'будущем' он стал курить), и еще раз подробно объяснил Шмеерсону все прелести предстоящей ему жизни.

--Да,--спохватился Шмеерсон, перебив Никитина, и видимо все это время думая о своем.-А возраст?

--Чей возраст?-не понял Никитин.

--Ну возраст,--Шмеерсон смотрел на него так, как будто только что открыл закон всемирного тяготения, или другое какое чудное изобретение (третий закон термодинамики, например).-Если я окажусь в своем прошлом,--медленно проговаривал Шмеерсон,--то значит я буду значительно моложе нынешних лет?

Никитин неопределенно кивнул, рассчитывая выиграть время, чтобы, выслушав профессора до конца, достойно ему ответить.

--...А если я буду значительно моложе,-- продолжал Шмеерсон,--то не окажется ли так, что...

Никитин понял, что ему пытается объяснить Шмеерсон. Но он совсем не знал, что ответить старику. Ответа Глеб Аркадиевич действительно не знал.

--Подождите,--по растерянному виду Никитина все понял Альфред Мойшевич.-Это все равно не главное. Я уже согласен. И вполне хочу, даже можно сказать жажду ('пояснил Альфред Мойшевич, взглянув на Никитина'), немедленно

быть доставленным в прошлое. Я там недоделал кое-какие дела,--пояснил он, улыбаясь.

Никитин видимо посмотрел на Шмеерсона слишком странно, поэтому тот повторил: 'Да, да, я как раз сейчас вспомнил, что у меня там остались незавершенными дела'.

--Где?-пристально взглянул в глаза Шмеерсону Никитин.-В прошлом?

--В прошлом,--как ни в чем не бывало, произнес Шмеерсон.-В самом что ни на есть настоящем прошлом.

У Никитина вновь промелькнула мысль... Он эту мысль заглушил.

--Знаете что,--нашелся Никитин.-У меня сейчас тоже дела. Давайте я к вам зайду попозже, и мы спокойно все обсудим.

--Ага, молодой человек!- радостно закричал Шмеерсон.-Я так и думал! Вы жулик!

--Жулик?-недоуменно переспросил Никитин.

--Он самый!-произнес Шмеерсон.-Я ведь сразу понял, что прошлого никакого нет. Вернее,

оно было когда-то. Но добраться туда невозможно. Ведь так?-посмотрел он на Никитина, и во взгляде Шмеерсона одновременно читался вопрос, и стремление подтвердить неожиданную аксиому о жуликоватости стоявшего перед ним мужчины.

--Нет, я не жулик,--спокойно ответил Никитин. А потом развернулся, и ушел. Оставив Шмеерсона в полном неведении.

Хотя и тот, на удивление, достаточно быстро нашел себе занятие. Он напился. Что не делал уже лет десять.

Глава 5

Федор Геннадиевич Громов знал, что задействованные в операции люди ненадежны.

Долгие годы проработав в аналитическом отделе, дослужившись до полковника, Громов не верил в какую-то случайность. Как и понимал, что любые сведения можно добыть. Также как и

подчинить (заставить работать на себя) любого человека. Громов вообще верил в свои возможности. И был, в общем-то, искренен.

Кроме того, Федор Геннадиевич построил достаточно мощную агентурную сеть. Можно даже было сказать, что он всегда привык полагаться только на себя. Да и, по сути, только себе и верил. Зная, что в какой-то момент люди могут подвести. А сам себя он не подводил ни разу.

Внешне Громов был достаточно привлекателен (даже в свои пятьдесят). Высок (за метр девяносто), обычного телосложения (килограммов под девяносто, гармонично распределившихся на его рост), носил пышные светлые усы и имел ангельскую улыбку. Хотя и при такой располагающей к себе внешности - натуру имел злобную и мстительную. Хотя и достаточно умело контролировал себя, не выдавая истинного отношения к кому бы то ни было.

При этом Громов был умен, и действительно весьма коварен. Поэтому у тех, кто хоть раз попал к нему на крючок (а Громов умело играл на людских

слабостях и пороках, постоянно пополняя свою агентурную сеть нужными людьми), уже не было возможности отвертеться. А если они по каким-то причинам умирали (случалось и такое), Громову удавалось заполучить их взрослых детей, по отношению к которым совсем не распространялся принцип выдвинутый Сталиным об ответе (точнее - не ответе) детей за родителей. Да и в отношении тех, кто был нужен Громову - никакие принципы, правила и нормы не распространялись. Это был искусный противник. И должно быть потому, в открытую борьбу с ним никто вступать не решался. В открытую борьбу. Тогда как тайно... Впрочем, обо всех своих тайных противниках Громов знал. И умело их или перенастраивал на другие объекты (перепрограммировал), или же - уничтожал. Причем всегда чужими руками. Искусно стравливая людей, да и вообще - манипулируя ими с оттенком той расчетливости, которая была свойственна только ему.

Когда Громов узнал об операции 'Архимед', первой мыслью его было придти к руководству, и честно выложить свои соображения по этому поводу. Не то что Федор Геннадиевич считал операцию провальной. До конца этого не мог просчитать никто. Но у Громова были свои соображения по поводу задействованных в операции лиц (их имена он узнал из своих источников). А потому - большого успеха миссии Никитина не предрекал (прекрасно зная этого человека, который, к тому же, еще был и его тайным агентом. Об этом, кстати, никто кроме Громова и самого Никитина не знал. Глеб Аркадиевич был завербован Громовым еще в студенческие годы. Причем официально в зону его интересов он не входил. Поэтому был уверен, что вычислить 'интерес' к Никитину со стороны Громова ни у кого не было возможности).

Сейчас Громов узнал о начале провале операции. Ему еще не были известны детали. Он еще не получил информации с мест. Но он уже знал (знал еще до заброски Никитина), что тот с

полученным заданием не справится. А потому, подстраховавшись, направил в район 'боевых действий' своего проверенного агента. Причем, тот прибыл даже немножко раньше, чем Никитин.

.....

.....

Перед Федором Геннадиевичем было два вероятных пути решения проблемы. И ни по одному из них Никитин не должен быть отозван. Ему вообще в какой-то мере был нужен этот человек. Громов уже располагал секретной информацией, что Советскому Союзу осталось существовать не так много времени. И сейчас Громов направил все силы на получение информации о дальнейшей судьбы его страны. Пока выходило, что в ближайшее время, после смерти нынешнего генсека, власть перейдет в руки шефа Громова. Который будет усиленно продвигать своего человека из региона, который позже и займет его место. Все промежуточные фигуры ситуации не изменят.

Правда, сейчас выходило (а информацией из недалекого будущего Громов уже действительно располагал), что человек его шефа страну благополучно развалит (не справившись со своей миссией). И в итоге, почти на десятилетие власть перейдет совсем к другим людям. Пока вновь не возвратится к шефу, уже другому, того ведомства, которому Громов отдал самые лучшие и талантливые годы жизни. И сейчас выходило так, что пока у него не было возможности как-то изменить ситуацию. По всем раскладам - можно было изменить (пока хотя бы теоретически). Но - нельзя. Выходило что нельзя. Если, конечно, не переписывать историю.

И вот к этому-то как раз Федор Геннадиевич Громов себя сейчас настраивал.

.....
.....

Роберт Эльдарович Михайловский (на самом деле фамилия его была Микаэлян) - был

тайным агентом Громова. По официальному раскладу Роберт Эльдарович служил в посольстве, вторым секретарем, и активно сотрудничал (даже состоял на службе) со спецслужбами (внешней разведкой).

О контактах с Громовым никто не знал (ну или не должен был знать). 'Щелкунчик' (Михайловский) был весьма талантливым агентом. Да и как человек был талантлив (знал два языка, понимал еще на трех, был прекрасным психологом).

Внешне Михайловский ('Щелкунчик') был высок (чуть больше метра восьмидесяти), худощавого телосложения, носил черные в меру длинные волосы, и имел внешний вид скромного и даже немного забитого человека. Причем, на самом деле, это была только маска. И внутренне Михайловский был решителен и успешен. Но крайней осторожен (психологический портрет Громов ему подобрал сам. И тот старался не выходить из установленных для него рамок).

Можно было конечно сказать, что Михайловский сам чувствовал свою какую-то

ущербность. Но говорить так, было бы преждевременно. И на самом деле этот человек вполне знал, как следует ему строить свою жизнь дальше. Вот только приходилось бороться Михайловскому с каким-то загадочным внутренним протестом, как только собирался он продемонстрировать кому-то свою успешность и знания.

Создавалось впечатление, что никому это не нужно.

На самом деле подобное мнение было ошибочным. И 'Щелкунчик' сам знал об этом. Но уже как-то получалось, он оказывался не способен ничего с собой поделаться. Потому как - интуитивно угадывал в собеседнике скепсис и недоверие к своим словам. Ко всему тому, о чем он говорит, или только собирается сказать. И от этого становилось обидно Михайловскому. И не стремился он в дальнейшем идти на контакт с таким человеком. А быть может и вовсе - стремился избегать его.

Можно ли было сказать, что Роберт Эльдарович был несчастным человеком? Можно. Но и точно также ничего такого можно было и не говорить. Потому как на самом деле, личностью Роберт Михайловский был весьма загадочной. И если кто и был, кто до конца мог просчитать этого человека, так таким человеком являлся только Громов. Да и то, Федор Геннадиевич каждый раз проверял сам себя, корректируя свое поведение относительно изменений в восприятии действительности Михайловским.

.....

.....

В будущее Громов послал Михайловского не случайно. Ему как раз нужен был такой агент. Внешне секретаря посольства не будут воспринимать всерьез. Уж слишком на лице Роберта Эльдаровича запечатлелась маска неуверенного в себе человека. И потому, было бы достаточно глупо кому-то считать Стаса Микаэляна (так на самом

деле звали Михайловского-Щелкунчика, хотя об этом мало кто знал, да и то - лишь люди из прошлого) серьезным противником. Даже быть может вообще - противником. На противника он был не похож. В иные моменты он вообще не был похож на человека. Так, инопланетянин какой-то.

При этом самое любопытное могло бы заключаться в том, что Роберт Эльдарович и сам иной раз считал себя чем-то на вроде инопланетянина. Нет, разумеется, себе он, конечно, отдавал отчет в том, кем на самом деле являлся.

Но вот иной раз лезла к нему в голову всякая ерунда. И ничего не мог (да и, по сути, не собирался) он с этим поделать. Разве что интуитивно догадывался, что и говорить о подобном никому тоже не следовало.

Удивительно, но Громов знал о подобных мыслях Микаэляна (Михайловского-Щелкунчика). Но ни разу он не сказал Роберту Эльдаровичу о том. И не потому, что преследовал какую-то цель

оставлять того в неведении. Нет. На самом деле все было проще. Поначалу Громов просто забывал об этом сказать. А потом - потерял к необходимости говорить о чем-то подобном всякий интерес. Да и зачем?- рассудил он, мысленно поблагодарив себя, что действительно не сделал этого.

Какая от этого выгода была Громову? Все просто. Теперь в своих разговорах с агентом Щелкунчиком Громов мог дополнительным образом воздействовать на соответствующий архетип в его подсознании, провоцируя мысли, возникающие от своеобразной атаки на образы, прочно, как теперь уже знал Громов, засевшие в бессознательном Михайловского.

И все это оказывалось весьма результативным.

Глава 6

Карелиус недоумевал. Даже более - он был зол, и откровенно хотел самым жесточайшим образом наказать виновных в срыве операции. Вернее - в угрозе срыва. Операцию, конечно же, не сорвали. Да и Карелиус подобного бы никогда не допустил.

Но теперь, когда в его душе появлялись мысли по поводу 'разбора полетов', он знал, что, во что бы то ни стало, должен (обязан) самым жесточайшим образом пресечь любые попытки подобного в будущем. Все его подчиненные должны четко выполнять приказания и следовать инструкциям. И в случае несоблюдения этих инструкций - им грозила расплата за неподчинение.

.....
.....

Прежде всего, требовалось решить вопрос с Никитиным. Карелиусу и раньше не нравился этот человек. Что-то было в нем такого, что не

заслуживало права считаться приближенным к тем органам, которые он представлял.

Но самое удивительное было то, что только недавно Карелиус узнал о принадлежности Архимеда (здесь Никитин был известен под своим кодовым именем) к некому тайному ордену, интересы которого представлял и сам Карелиус. Все это заставляло его как минимум задуматься над тем, что вообще происходит. И действительно ли его анализ действительности правомочен отводить Архимеду-Никитину столь низкое место в иерархии служебных ценностей.

Притом что все чаще Карелиусу начинало казаться, что это не так. Что он попросту ошибается. Вернее, что где-то ранее закралась ошибка. И теперь ему приходится пребывать в рамках этой внутренней ошибочности. Причем уже то, что требовалось от любой ошибки избавляться,-- было столь однозначным, что не требовало каких-либо дальнейших доказательств (следовало принимать априори, то есть - без подтверждения опытом).

.....

.....

Виктор Степанович понял, что уже просто обязан провести новую рекогносцировку. Слишком опытен он был (и таковым считал себя), чтобы ошибиться даже в деталях. Причем у Карелиуса возникло подозрение, что Никитин находится еще под чьим-то кураторством.

Выявить такого человека пока не представлялось возможности. Но Виктор Степанович знал, что в итоге это станет возможно. Притом что это было необходимо для дела, Карелиус не сомневался. Это давало дополнительные шансы в борьбе за власть. Себе-то Карелиус мог признаться, что был не лишен властных амбиций. И предпочитая пока готовить компромат на сотрудников (желательно на всех), Карелиус верил, что когда-нибудь наступит его час. И тогда он сможет воспользоваться своим опытом, знаниями, связями, информацией, которая была в его распоряжении. И как только это все соберется в

одну составляющую - то никто не сможет противостоять подобному напору энергии. С которой придется или смириться, или пасть перед ней, растворившись в ее величии.

И что так будет, Карелиус не сомневался.

А уж он сумеет и дождаться, и приблизить этот час. Час расплаты. Час восторжествования правды. Его час. Час Виктора Степановича Карелиуса, человека, знавшего как приблизить к себе мечту.

.....

.....

Какие-либо мысли относительно его судьбы, были Никитину безразличны. Да и по сути, это давно уже был не Никитин, а Архимед. Глеб Аркадиевич настолько слился со своим новым образом, что ему совсем не хотелось возвращаться в другой, обычный, мир.

И это, кстати, каким-то образом не предусмотрел Карелиус. Ошибка заключалась в том,

что трусливый (в душе) человек Никитин, войдя в образ успешного предпринимателя Архимеда (согласно плану, в будущем Архимеду отвели роль свободного предпринимателя), как-то быстро почувствовал, чего ему все эти годы не хватало. И даже не уверенности. Это необходимая черта была желанна, но все же не столь допускалась Никитиным для нахождения у себя (он просто рассудил, что если раньше уверенности не было, то сейчас она может и не придти). То, что он понял, это то, что теперь приобрел чувство внутреннего превосходства над другими. Не всеми, конечно. Всеми это было бы уже слишком. Да и потребовалось бы как минимум большего времени, чем пока прошло. Но и тех, с кем большую часть времени общался Никитин (равно как и с теми, с кем общаться только предстояло) Архимеду хватало.

Более того, он уже нисколько не сомневался, что теперь у него все пойдет по-другому.

Причем, самое интересное могло быть то, что, проникшись идеями Загорского, Никитину совсем расхотелось возвращаться в прошлое. И даже внезапное исчезновение Марка Рубинштейна (Загорского) - не изменило желания Никитина остаться в будущем.

Но ведь для этого,--предположил он,-- потребуется выйти из-под контроля организации... А если он сделает так ('даже только попытается',-- испуганно подумал Архимед-Никитин), то это может означать, что все вокруг, все так долго выстраиваемое им -- начнет рушиться, складываясь как карточный домик.

А значит вскоре и он сам прекратит существование. А значит...

'Это значило полный провал',--понял Архимед-Никитин. И решил срочно встретиться с кем-то из Центра (он знал, что вместо Загорского прибыл, или прибудет, новый агент), чтобы заверить Организацию в своей лояльности, и желании во что бы то ни стало добиться

выполнения задания. А задание он действительно решил выполнить. Да он и не мог бы поступит иначе. Половину жизни из своих сорока Глеб Аркадиевич прослужил Родине. И ничто не смогло бы сподвигнуть его эту Родину предать.

Часть 2

Глава 1

Иншаков с трудом ориентировался в пространстве. Можно было даже сказать, что он не понимал ничего, или мало что. И даже то, что понимал, уже не имело особенно никакого значения. Потому что... потому что он совершенно забыл, что должен делать.

Подобные провалы у него бывали и раньше. Но раньше о них можно было особенно не задумываться, хотя бы потому, что через время сознание возвращалось, вновь захватывая пальму первенства. А то, что случалось с ним, после его недолгого анализа становилось понятным.

Теперь Валера с радостью бы возвратил то время.

Но ничего подобного сейчас не намечалось.

Казалось, впереди у него была пустота. И этой пустоты страшился он самым отчаянным образом.

.....

.....

Ничего подобного раньше действительно даже нельзя было предположить. Валерий Денисович Иншаков всегда был внешне и внутренне стоек (на одном из юбилеев даже подняли тост, сравнив характер Иншакова с коньяком, чем старше - тем более крепчает), с усмешкой относился к каким-либо поползновениям в борьбе за место под солнцем, в семейной жизни был убежденным холостяком, в отношении к детям (у него было трое детей от разных женщин) справедливо суров и искренне добр, в работе (Иншаков заведовал сектором экономики в крупном предприятии,

подчинявшемуся министерству природных ресурсов) беспринципен ради дела, да и вообще по отношению ко всему и всем, что и кто могли бы его окружать и окружали, Владимир Денисович был адекватен, бескомпромиссен, и преисполнен решимости добиться в первую очередь выполнения дела, а потом только личных благ. Да и никогда не гнался Иншаков за личными благами. Быть может поэтому всегда был не только сдержан, но и уверен в себе. И в свои сорок пять был также уверен как и в тридцать. И все знали что прошел он проверку возрастом. Потому как ничто в его характере с возрастом не менялось. Разве что тот станет еще более жестче.

На дворе - начало нового тысячелетия. Прошло пятнадцать лет после начала трагедии, ознаменовавшей исчезновения с карты мира великой державы, Советского Союза. Теперь осталась только Россия. Вокруг России образовались враги и друзья из бывших некогда дружественных республик. Иншаков жил в Москве.

Еще перед началом Перестройки его, было, отправили на работу в Ригу, да там ему не понравилось ('как позже признался,-- не мог работать среди предателей'). И даже потом, после возвращения в Москву, у него еще была возможность, на выбор, начать работать в Украине (Донбасс), Белоруссии (Гродно), даже Ашхабаде...Но он не согласился. И не из-за какого-то там излишнего национализма. Просто ему действительно нравилась Россия. А в России нравилась Москва.

Сейчас перед Иншаковым образовалась дилемма. Выходило так, что он должен был или эмигрировать, или сесть в тюрьму. При этом,-- он не хотел ни того ни другого.

Но его уже предупредили, что иного не дано. Правда, Иншаков намеревался поспорить с судьбой. Да и мнение каких-то людей,-- это еще не судьба,-- рассудил он.

Но вот стоило ему ответить отказом, и словно в подтверждение намерений оппонентов - на

него было совершенно покушение. Причем, явно с целью предупредить, поугатать, обстреляли машину, в которой он ехал. При этом, явно стреляли так, чтобы не поранить его.

Иншаков все понял. Он понял, что схему решили переиграть. И теперь ждут, что он только уедет. Или его убьют. Такой свидетель как он не нужен.

Запутавшись, было, в трех соснах, Валерий Денисович нашел, на его взгляд, единственно верное решение.

Через несколько часов он уже был в ближайшей европейской стране. А еще через время, ступил на землю земли обетованной. Это была его земля. Только находясь здесь он понял, что фактически всю жизнь сюда стремился. Убегая от врагов, высвобождаясь от ловушек, игнорируя предупреждения и угрозы. Это была его земля. Только в Иерусалиме он почувствовал себя по настоящему свободным. Только в этой стране...

...Валерий Денисович начал медленно приходить в себя. Сон и действительно слишком захватил его. Иншаков даже немного опасался анализировать тот, хотя ему и было интересно узнать, отчего в своем сне он оказался именно на территории Израиля. Тогда как всегда считал себя исконно русским. Хотя, конечно, до изучения собственной родословной времени и возможностей пока не было. Поэтому ничего точно он утверждать бы не решился, но...

Иншаков подумал, что в последнее время слишком много стало возникать этих 'но'.

Что такое 'но'? 'Но',-- это своеобразные условности. Предположения.

Предположения же в контексте его нынешних размышлений могли свидетельствовать о неуверенности. Раньше Иншаков любую неуверенность отвергал. Теперь...

Он уже запутался, что было теперь...

.....

.....

Сейчас перед ним вновь оказалась пустота. Пустота, которая не предполагала скорейшего избавления от нее. Пустота, в которую он проваливался, на миг выныривая, и вновь погружаясь в пучину начинавшегося безумия. Хотя безумие еще не начиналось.

Но Иншаков понимал, что находится на грани. Что еще совсем немного, и уже исчезнет у него та уверенность, наличием которой в себе он очень гордился. Когда знал, что будет вполне в силах разрешить любое, надвигающееся на него противоречие. А все сложности, уже словно бы такими и не были.

Он не верил, что все это так. Ему хотелось казаться собой прежним. В то, что былое время ушло, и фактически уже безвозвратно потеряно... Валерию Денисовичу об этом думать не хотелось.

Он даже не мог поверить, что все это было так, а не иначе.

Иначе. Вот что ему хотелось.

Ему хотелось, чтобы ему дали возвратиться на какое-то время. Чтобы потом - уже вновь приблизиться к тому, что было сейчас. Но подошел бы он к этому с несколько иных позиций. Так сказать, подзарядившись...

Иншаков запутался. С одной стороны он понимал, что ситуацию уже фактически не контролирует. С другой - верил, что это совсем не так. Что фактически многое в его жизни еще станет возможным. Просто пройдет какой-то период, за который все разрешится само собой. А то, что будет по-новому - уже не будет приносить столько сомнений и вообще трудностей.

.....

.....

Валерий Денисович решил во что бы то ни стало разобраться в происходящем.

Неожиданно он получил приглашение в НИИ политических исследований. В отдел западных стран. Европа.

Европа ему нравилась. Уже несколько раз он был в командировках (ФРГ, Австрия, Франция, а также Чехословакия, Болгария, Польша, Югославия...). Он сравнивал капиталистическую и социалистическую систему правления. Сравнивал, анализировал и сопоставлял. И еще больше убеждался в величии того, что было на пространстве Советского Союза.

Раньше он как-то не задумывался над этим. Воспринимая все если не как должное, то как то, что уже есть, и незачем было думать о чем-то другом.

Но теперь сама работа предполагала проведение анализа действительности. Погружение в литературу (в т.ч. и для специального пользования). Причем такого объема специальной литературы Валерий Денисович не читал уже давно

(максимум, что ему попадалось раньше - авторефераты диссертаций).

Кроме того, Иншаков сам стал писать. Пока несколько коряво (сказывался недостаток опыта в написании научных работ), но по мнению зам. начальника института (курировавшего работу Иншакова и, собственно, продвигавшего его - сам Иншаков был приглашен на должность зам. начальника отдела, с последующей возможностью отдел возглавить -- и дальше вверх по иерархической лестнице) - перспективы у Валерия Денисовича были самые блестящие. С возможной защитой (в ближайшем будущем) диссертаций и т. п.

И Иншаков еще настойчивее взялся за работу.

Вскоре оказалось, что в НИИ, по его уровню знаний и природно-интеллектуальным возможностям (сказывался, видимо, и опыт руководящей работы на прежнем месте) Валерию Денисовичу мало кто мог открыто противостоять.

Причем каким-то образом ему удалось принести в институт ту новую струю, которая фактически перевернула деятельность этой организации.

А еще через время, Иншаков получил приглашение стать зам. начальника института (его куратор институт возглавил). А потом и защитил кандидатскую диссертацию (по социологии).

А еще позже... А еще позже стало сбываться то, что снилось в его снах. В страшных, жутких снах, когда он несколько раз просыпался среди ночи, прерывая сновидения, но потом, засыпая, - вновь погружался в него.

И казалось, не было этому спасения. И с этим необходимо было только смириться. И терпеть. Сжав зубы терпеть и верить, что когда-нибудь это все-таки прекратится. Не будет этих мучительных кошмаров, которые рвали его сознание на части, заставляя совершать, порой, немислимые поступки. Те, которых никогда (что уж точно) он бы не совершил в жизни. В реальной жизни. А в сновиденческой, получалось, совершал.

.....

.....

Преступления. В своих снах Иншаков совершал преступления. Преступления против народа, и против своей страны. Потому как видел он, что какая-то непонятная сила стремится эту страну разрушить. Изменить строй. Заставить ступить народ на капиталистические рельсы. А он, Иншаков, не знал, как этому противиться. И даже если и начиналось у него вырабатываться какое-то решение - слишком поздно. Он просыпался. Ужас...

Ужас и страх, объяли Валерия Денисовича. Он мог признаться, что никогда раньше чего-то подобного с ним не происходило. Не было и не могло быть. Чтобы вот так, со всей отчетливостью и осознанием деталей видеть подробности происходящего в стране. И при этом чувствовать свое бессилие что либо изменить.

У Иншакова даже промелькнула мысль написать докладную записку на имя директора института, но он подумал и понял, что попросту не знает как представить источник информации. Говорить, что все это он увидел в сновидениях - значит...

--За это и в дурдом могут запрятать,-- неожиданно подумал Иншаков.-Или - освободить от занимаемой должности. Да мало ли что может быть.

И Иншаков понял, что он должен молчать. По-крайней мере -- пока. Это было залогом выживания. А сновидения, быть может, следовало бы попытаться интерпретировать в том ключе, что кто-то подает ему знак. Показывая картинки того, что и как будет в недалеком будущем.

А помимо знака, это была еще и возможность подготовиться к будущему. Что-то исправить и подкорректировать сейчас. Чтобы после - влиться в режим нового времени. Заняв там достойное место. И это уже можно было считать самым главным (усилием воли Иншаков заставил это считать главным).

--И уже тогда,--подумал Валерий Денисович.-Все его сны следует понимать исключительно в подобной парадигме. Как желание кого-то - ему помочь.

Чье это было желание - было пока неизвестно. Но в том, что у кого-то подобное желание действительно было - сомневаться, как будто, не приходилось. Быть может сама природа заботилась о нем,-- предположил Иншаков. А значит...

--А значит все будет хорошо,--успокоил себя Валерий Денисович, и впервые за долгое время нормально заснул. Без мучительных сновидений. Ну, или - эти сновидения стали уже наоборот - желанными. И это пока было самое главное. А будущее покажет,--рассудил Иншаков, снова уверовав в доброе и светлое.

Глава 2

Марик Микоян был пьяница и вор. А еще он был великий комбинатор. Все эти прозвища он придумал себе сам. И пока 'озвучивал' их только в своем воображении.

На самом деле, в жизни, никто не знал, чем Марик занимался. Ходили слухи, что брался он за любую работу, где мог бы применить свои природные способности. Способности зиждились на умении Марика сводить людей таким образом, что находили они пользу в друг друге. За это Марику эти люди платили комиссионные. Ну, или отступные. В зависимости от размеров ожидаемой прибыли и от того, насколько эти люди попадали под влияние Марика. Он всех стремился посадить под свое влияние. Но не всегда это удавалось. И даже можно сказать - в большинстве случаев это почти совсем не удавалась. Так, какие-либо эпизодические попытки повышения собственной значимости в собственных глазах (Марика), и большей частью все почти и исключительно 'для внутреннего пользования'.

Хотя Марик хотел размаха. Он даже мечтал о нем. Вернее - иногда позволял себе мечтать. Хотя на самом деле...

Никогда в том, что было (или могло быть) на самом деле, Марик не знал, и даже не догадывался.

Но он был весьма амбициозен. И где-то в глубине души мечтал совсем о другом. Как, впрочем, и думал о себе нечто иное, чем, догадывался, думают о нем другие.

.....

.....

Как-то вышло так, что с Мариком познакомился Карелиус.

Виктор Степанович сразу понял, что из себя представляет Марик. И он предложил ему сотрудничество. Причем, по большому счету, Карелиус мог бы обойтись и без Марика (так он ему сразу и сказал). Но... ('заинтересованно-изучающий

взгляд на Марика') он, Виктор Степанович, может сделать так, что Марик будет иметь свой интерес ('все тот же взгляд, от которого Марик внезапно съезжился, и убрал глаза'). Хотя и ('вновь пристальный взгляд на Марика'), в случае если Марик не согласится, он, Виктор Степанович, сделает так, чтобы у Марика больше ничего в этой жизни серьезного не получилось.

--Так и будешь в пятьдесят лет на подхвате, - усмехнулся Карелиус, и Марик впервые за долгие годы вспомнил о своем возрасте. А еще он вспомнил, что сам о своем возрасте Карелиусу не говорил. А потому испугался и поспешил согласиться со всем, что ему предложит уважаемый Виктор Степанович (он так и сказал - 'уважаемый Виктор Степанович'. И улыбнулся.)

--Хорошо,--как ни в чем не бывало, кивнул головой Карелиус.- Мне нужна информация на всех, с кем ты общаешься. Причем, все сделаем таким образом, что я просто буду тебя спрашивать, а ты отвечать. По-дружески,--уточнил Карелиус, улыбнувшись и слегка хлопнув Марика по плечу

('мол, не переживай так, не ты первый не ты последний').

Марик не переживал. Ему, конечно, не хотелось так-то уж попадать под чью-либо зависимость. Но он рассудил, что общение с таким человеком будет для него весьма выгодным.

--Что я должен делать?-- с серьезным выражением лица спросил Марик, решив перевести разговор в зону конструктивного диалога.

--Ничего,--усмехнулся Карелиус.- Пока ничего,--добавил он. Но как только ты мне понадобишься - вызову.

--Все понял,--согласно кивнул Марик.-А что если...

--Ни о чем лишнем не думай,--перебил его Карелиус. ('За тебя уже обо всем подумали',-- услышал Марик свой внутренний голос. Правда, поначалу он, было, обернулся, думая что на явочной квартире, куда Марика пригласил Карелиус, находится кто-то еще. Но тут же понял, что это действительно его внутренний голос. И, осознав это, - воспринял как должное.)

--Значит пока все,--распорядился Карелиус, показывая своим видом что аудиенция закончена, и Марик может уходить.-Да,--посмотрел он на него ('словно раздумывая: говорить - не говорить',--показалось Марику).-Я тебе еще подброшу контактов. Думаю, они тебе не помешают. ('Тебе или Вам',--хотел, было, уточнить Марик, но постеснялся. Решив - что это может быть расценено как грубость. И сдержался).

А уже потом, по дороге домой, Марик подумал, что он вляпался в какую-то серьезную замутку. Причем выбора ему никто не давал. Решив играть с ним вслепую. И действительно зная, что он согласиться.

--А если бы я не согласился?-подумал Марик. Но тут же испугался подобных мыслей. Испугался...

Марик вспомнил те времена, когда никто бы не смог сказать, что он чего-то боится. Когда-то он не боялся никого.

Но случилось так, что попал как-то Марик в страшную аварию. С ним ехали еще два человека

(на 'Форде' Марика), которые погибли. Сам Марик вроде как не получил серьезных повреждений (переломы и ссадины не в счет), да вот как-то вышло так, что с тех пор появилось у Марика чувство страха. Причем, в иные разы, это чувство явно зашкаливало. И тогда Марик превращался в ходячую манипуляцию. Угождая другим, и ведя себя так, как раньше он бы себе никогда вести не позволил. Как, впрочем, и вести себя с ним, Мариком Микояном.

Но это было в прошлом. Теперь Марик вынужден был подстраиваться под обстоятельства.

Глава 3

Никитину удалось убедить Центр в своей лояльности и стремлению завершить начатое.

Более того. Теперь он и сам понял, как это все ему интересно. Интересно настолько, что с головой погрузившись в работу, за достаточно короткое время ему удалось вычислить шпиона,

который следил за ним, докладывая в Центр. Причем, рассудив, что докладывал этот человек совсем не то, что было на самом деле (значительно привирая) Архимед (Никитин) его убил. Обставив дело так, что какие-либо подозрения могли пасть на кого угодно (на скинхедов, например, --агент был не русской национальности), но только не на него. (Никитин уже докладывал в Центр о скинхедах -- об этих странных субъектах, с жестокостью уничтожавших лиц не славянской национальности. Агент был похож на азербайджанца. Поэтому все сходилось. Да и не только скинхеды могли убить агента. О преступности на постсоветском пространстве Архимед-Никитин готовил отдельный доклад.)

В общем, все вышло так, что Архимеду поверили. Поверили в его благонадежность. Да и вроде как складывалось все, что заменять Никитина новым человеком было не с руки. Не было времени. Да и уже могло означать, что люди, которые рекомендовали именно Никитина - ошиблись. А

если они ошиблись в столь серьезном деле - то как могли быть полезны и в мелочах. Тем более что зачастую только время расставляет акценты над тем, что мелочь а что величие.

А потому Архимеду (Никитину) решили пока дать новые инструкции, еще раз настроив его на выполнение задания. Что и было сделано. А Архимед, воодушевленный доверием, с ожесточением принялся за работу, собирая и накапливая необходимую информацию.

.....

.....

Загорский неожиданно нашелся. По его словам, он никуда и не исчезал. Просто он признался, что работает еще на одну организацию, и предложил Никитину встретиться с резидентом английской разведки. Никитин тут же подумал Загорского убрать. Но, решив, что тот не мог быть столь откровенен, не подстраховавшись, просто

связал его, предварительно оглушив, и отнес тело в чулан.

После он все-таки решил его убрать. Вспоминая мысли, которые когда-то доверял ему, и которые при подобном раскладе (рано или поздно Загорского ведь все равно возьмут спецслужбы) могут быть известны тем, кому он столь настойчиво доказывал свою лояльность.

Загорского освободили раньше. Причем Никитин сам не понял, отчего это он уснул. А когда проснулся - в комнате (Загорский пришел к нему в номер гостиницы) уже никого не было.

Глава 4

Шмеерсон уже несколько дней думал над предложением Никитина. Если выходило так, что этот человек действительно был способен отправить его в прошлое (в то прошлое, куда он фактически все время стремился), то это означало...

Шмеерсон опять попал в капкан собственных мыслей. Так выходило, что если верить этому выскочке (а всех, кто был моложе себя Альфред Мойшевич традиционно причислял к выскочкам), то все, над чем он работал - уже было разработано в прошлом. Причем уже как бы получалось, что разрабатывалось тогда, когда он и сам находился в прошлом (фактически в нем еще пятнадцать лет назад проживая). А значит...

--Это могло означать,--недовольно поморщился Шмеерсон,--что о подобных разработках он или не знал (а Шмеерсон знал о многих разработках; гриф секретности он получил еще будучи аспирантом, то есть, получается, в сталинские времена), или, что еще хуже, забыл. И так могло получиться, что некоторые выводы его нынешней работы могли пересекаться с уже имеющимися. Что означало, прежде всего, отсутствие в работе Шмеерсона актуальности. И уже фактически тем или иным образом указывало на ее не нужность.

Подумав подобное, Альфред Мойшевич готов был впасть в кому. Сдержался. Но настроение уже было испорчено.

--А если предположить,--пронеслась как защитная реакция, очередная мысль,-- что подобных разработок все же не велось ('Шмеерсон улыбнулся'), или те, которые начинались - не привели к должному результату ('Шмеерсон уже радовался, предвкушая победу'), то выходило - что именно его работа важна и необходима. И уже не потому ли,--задумался Альфред Мойшевич,--он понадобился Никитину.

--А значит вновь в дело вмешивается выгода,--недовольно пробурчал себе под нос Альфред Мойшевич.-И если это действительно так, то ничем положительным в итоге закончится не могло.

Шмеерсон, сделав для себя надлежащие выводы, решил, что он пока должен по возможности дистанцироваться от Никитина. Причем, как вроде бы у него и не было оснований Никитину не верить

(тот все-таки произвел на него благоприятное впечатление - в этом Шмеерсон мог признаться).

Но так вышло, что он ему не верил. А значит...

Не знал Альфред Мойшевич, что бы это могло означать. Как не знал он и того, что ему надлежит теперь делать. Он бы очень хотел Никитина вывести на чистую воду. Косвенно в этом могла бы помочь ему установка, работу над которой он недавно закончил. Согласно этому аппарату, у Шмеерсона появились возможности определять истинные мысли индивида.

Пока установка апробирована не была.

Испытуемым Шмеерсон наметил Никитина.

.....

.....

Громов решил использовать Шмеерсона в своих целях.

Хотя ничего конкретного на удивление, в голову не приходило. Можно было, конечно, задействовать Альфреда Мойшевича в секретных программах. Да вот только в каких?

Федор Геннадиевич дал команду разобраться, над чем Шмеерсон сейчас работает. О Шмеерсоне Громов узнал от своего агента Щелкунчика. Однако доверить Щелкунчику выполнение столь ответственного задания он не мог. Потому как Щелкунчик обладал своеобразной особенностью после анализа информации делать не те выводы, которые напрашивались.

К тому же проблема осложнялась тем, что заниматься всем этим должен был человек, посвященный в возможность посещения будущего. Пусть и посещения пока призрачного, и быть может даже пока условного. Да и, по большому счету, какие могут быть последствия такого посещения через время - еще никто не знал (не было опыта апробации).

Но уже выходило, что дело нельзя было и откладывать. Громов получил информацию о контактах Шмеерсона с Никитиным. И понимал, что рано или поздно они о чем-то договорятся. А значит, необходимо было действовать. И пока найти агента более образованного. И при этом - посвященного в тему.

Вскоре для этих целей Громов решил все же делать ставку на Никитина. Несмотря на внешние данные (крупный и большой, с лицом ребенка), Никитин был достаточно умным и образованным специалистом. К тому же он уже давно был перевербован Громовым. И несмотря на предупреждение Карелиуса Громову о том, чтобы тот не трогал его агентов, Федор Геннадиевич Громов всегда привык играть свою игру. А значит и в деле Шмеерсона он станет играть по своим правилам.

.....

.....

Через какое-то время Никитин получил задание от Громова встретиться с Шмеерсоном, и после этой встречи представить отчет о роли исследований Альфреда Мойшевича (равно как и о возможной полезности Шмеерсона для организации).

Никитин теперь раздумывал. Нет, он не думал ослушиваться приказа. Тем более знал, что в Громе лучше вообще не вызывать недовольство. Громов был человек, который уверенно шел наверх. К тому же Никитин знал от своих источников, что в Громе был заинтересован кто-то из политбюро. И хоть информация о кураторстве того членом ЦК была пока не подтвержденная, Никитин верил, что это вполне могло быть так. А значит любое неподчинение Громову (а тем более желание продемонстрировать свою силу) будет означать фактический провал. И адресация к вышестоящим органам (Никитин знал, что его ведомство подконтрольно Совету министров и ЦК партии) может оказаться себе дороже. Тем более что даже

сам председатель Конторы не мог ничего кроить самостоятельно. Так повелось еще со Сталинских лет, когда Ягода стал подчиняться Ежову, в то время работавшему в ЦК партии, и курировавшему ведомство ОГПУ.

Поэтому Никитин понял, что должен выполнять приказ. И с подобным мнением нельзя было не согласиться. Хотя бы в целях элементарного выживания.

Глава 5

Вновь дал о себе знать Загорский. Теперь он заявил, что все это время выполнял секретное задание партии и правительства. И проверял - Никитина. В верности идеалам Родины.

Кто ему поручил подобное задание, Загорский не сказал. А только вежливо попросил Никитина подобных вопросов ему не задавать.

Никитин подумал, что Феликс Иванович Загорский, известный под кодовым именем Марк

Рубинштейн, много на себя берет. Но, памятуя обидчивость Рубинштейна-Загорского, решил ничего такого ему не говорить.

Никитин может вообще был бы рад пристрелить Загорского. Да пока не мог этого себе позволить.

.....
.....

Судя по всему, Никитин должен был сейчас заниматься тем, что ему поручил Громов. Ну и помимо этого, спокойно выполнять общий план задания, исходящий из его заброски в тыл врага. А то, что кругом были враги, Никитин все также не сомневался. К этому времени он уже подробно проанализировал произошедшее. И все, чему он являлся свидетелем, было настолько противоречиво, что иной раз попросту не укладывалось в его голове. Ведь получалось так, что находился сейчас он в той же стране, откуда и был заброшен. Но прошло не более двух десятков лет, и в стране за это

время все изменилось. Изменился прежде всего классовый строй. Вместо развитого социализма, на последней стадии которого находилась его страна (как знал Никитин из СМИ Советского Союза), теперь на территории той же страны наступил дикий капитализм (это уже Никитин прочитал в демократических СМИ псевдо-своей страны). И на смену дикому капитализму (вспомнил Никитин статью в одном политическом журнале) готовился придти либерально-демократический режим... Что, догадался Глеб Аркадиевич, сути не меняло. Режим был вражеский. И для него это было самое главное. Потому что значительно развязывало руки. Его всегда учили что с врагами можно не церемонится. А если враг не сдается,--вспомнил Никитин свою любимую фразу.-Его уничтожают.

И Глеб Аркадиевич готов был уничтожить любого, кто помешает ему выполнить задание.

А еще изменились люди. И это показалось Никитину очень любопытным (он это тоже решил включить в отчет). И это были уже не те люди,

которых он знал, с которыми привык работать, на которых привык рассчитывать в своей деятельности. Почти сплошь и рядом это были классовые враги. Хотя и со временем Никитин разобрался, что все также, основная категории населения страны (Никитин правда так и не понял, почему страной сейчас называется только РСФСР, в то время как тогда, когда он уезжал - РСФСР обрамляли еще 15 республик, и называлось все это Союзом Советских Социалистических Республик. Большая часть бывших республик теперь оказались предателями) в душе верит идеалам социализма. Просто в силу затуманенности мозгов, которые обрабатывались предателями, возглавившими средства массовой информации, у народа сместили ориентиры, и разрушили цели. Вынуждая их поклоняться почти исключительно мамоне. И это было настоящим предательством народа. Предательством, понял Никитин, санкционировавшим на самом верху, еще в старом, уже распущенном после фактического изгнания (или бегства) на Запад бывшего генсека,

получившего за предательство и политическую
глупость известность и элитную денежную премию.

.....

.....

Никитин уже давно понимал, что давно уже должен немедленно доложить наверх, о возможном развитии сценария с его страной. Ведь необходимо было срочно предпринимать соответствующие меры. Выявлять и уничтожать врагов народа. Срочно нейтрализовать всех выдвиженцев от его организации. И, прежде всего, первого секретаря Ставропольского Обкома партии, которого выдвигал генсек, пришедший к руководству страной из известного ему ведомства. Ведь, как уже знал Никитин (постсоветскую историю он изучил, благо что литературы в новой России было достаточно), именно этот выдвиженец, позже возглавивший партию, в итоге и не удержал ситуацию в своих руках. И власть захватят предатели и враги народа.

Которых необходимо было уничтожить сейчас.
Пока они еще не пустили корни.

Никитин понял, что для полноценной оценки того, что происходит, и что произошло в стране, ему потребуется помощь такого человека как Шмеерсон. Именно Альфред Мойшевич обладая определенными знаниями, сумел бы помочь ему сделать напрашивавшиеся выводы.

Ну а, кроме того, общение со Шмеерсоном было еще и в рамках задания, полученного от Громова. Причем Глеб Аркадиевич Никитин уже знал, что все до конца Громову рассказывать не станет. Так же как и Карелиусу. У него уже появились предположения, в его организацию затесался предатель. Предатель был на самом верху. Так же как и предатели были и среди членов и кандидатов в члены Политбюро. Ведь они в итоге и привели страну к гибели.

Но раз сейчас Никитин был транспортирован из прошлого, то он мог в это прошлое и вернуться. А значит еще можно было что-

то предотвратить. И он сделает это,--решил для себя
Глеб Никитин, уверенный в правоте задуманного.

.....

.....

Враги были действительно кругом.

.....

.....

И самое опасное было то, что люди стали
изменяться под действием дарованных им свобод.
Изменялось сознание людей. Особенно молодежи.
Сознание основной части молодежи не имело еще
той основы, на которой было воспитано старшее
поколение. А потому уже так вышло, что среди них
стало очень много тех, кто попросту стал жить не
так как надо. И вина в этом, знал Никитин, лежит на
старшем поколении. Поэтому и большинство из
этого старшего поколения, понимал Никитин,
необходимо наказывать самым суровым образом. А

тех, кто инициировал подобное - попросту уничтожить. И, как говорится, без вариантов.

Только смерть могла, по мнению Глеба Аркадиевича, как-то остановить падение и разлад в стране. И благодаря Шмеерсону Никитин уже многое понял. Он даже знал, как в большинстве случаев необходимо действовать.

Но вот чего Никитин до сих пор не знал, так это кому на самом деле он должен обо всем этом докладывать. Зная, что кругом предатели.

И могло выйти так, что он сделает подробный доклад, а этому докладу не дадут хода, потому что или попросту не поверят, или...

Все вновь и вновь сводилось к предательству.

И это было самое печальное.

Глеб Аркадиевич впервые за время своей работы в организации стал разувериваться в ее возможностях. Выходило так, что или она попросту не имела такой силы, как представлял Никитин, или же ее лидеры сами были заинтересованы в кардинальных преобразованиях в стране. Что - и

приводило к тому хаосу, который он наблюдал сейчас.

Но Глеб Аркадиевич и ничего не мог с этим поделаться. Он вроде как и стремился что-то изменить. Но знал, что пока что-либо изменять было просто рано. Слишком рано. К тому же он вообще - находился на выполнении задания. А значит мог только предложить, в последующем, какой-то свой вариант развития событий.

И намечаемые противоречия разрешить каким-то одним, решительным образом. Причем об этом образе разрешения проблемы он в первую очередь должен доложить наверх. Руководству. Ведь у Никитина было руководство. И об этом он не должен был забывать. Тем более что имеющихся у него возможностей (и полномочий) было недостаточно, чтобы выправить наблюдаемую им ситуацию. А то и грозило это вообще - санкций уже против него. Как против сотрудника, послушавшегося приказа.

И подобное было бы для Никитина самое ужасное. Он не мог себе позволить считаться предателем. А значит...

--А значит, пока он должен попросту наблюдать, собирая информацию,--решил Глеб Аркадиевич. И душе его стало немного легче.

--Долг, прежде всего долг,--повторил Никитин. И был, в общем-то, прав.

Глава 6

Федор Геннадиевич Громов приступил к разработке очередной многоходовой комбинации. Конечная цель ее должна была заключаться в фактическом отстранении от власти ряда высокопоставленных членов партийной элиты. Но эта цель все же была на перспективу. Первоначальная задача была найти в руководстве страны человека, которому можно было бы рассказать об имеющейся у него информации, и разработанным - на основании ее - плане. Чтобы в

последующем - выдвинуть этого человека в первые ряды руководства государством.

Сам Громов планировал возглавить Организацию.

.....

.....

Федор Геннадиевич перебирал возможные кандидатуры. По всему выходило, что удивительным образом не было никого, на кого он мог бы положиться.

Притом что ряд лиц вполне могла бы подойти для осуществления плана Громова. Но теперь, с учетом всего, их еще требовалось чуть более доскональное проверить. Могло так получиться, что те работали на кого-нибудь еще. Ну, в том плане, что Громов вполне осознавал, что его ведь могли и опередить. Ведь не он же один такой. Есть, например, тот же Карелиус (который по рангу был выше Громова). Были Енукидзе, Демьяненко, Власенко, Гандыба... Все эти генералы,

по мнению Громова, вполне были готовы не только возглавить Организацию, но и вполне возможно, что кто-то из них имел и властные амбиции. А значит - необходимо было быть крайне осторожным.

Однако еще через время Федор Геннадиевич получил информацию, согласно которой ему необходимо было начинать действовать уже сейчас. Речь уже шла о безопасности страны. Никитин, Глеб Аркадиевич Никитин через условный сигнал запросил срочной связи с Громовым (минуя Карелиуса, которому лично подчинялся). Причем требовалось все сделать так, чтобы об их встрече никто не узнал.

И когда они встретились (Громову больших усилий стоило на время депортировать Никитина обратно, переговорить с ним, и вернуть назад), Федор Геннадиевич действительно получил ту информацию, после получения которой понял, что пока он доверять не может никому.

'Докладная записка на имя... (имя требовалось вписать).

Спешим сообщить вам, что согласно полученным агентурным данным, в ближайшее время рядом высокопоставленных лиц при поддержке находящихся в их распоряжении ресурсов, а также западных спецслужб -- ожидается свержение социалистического строя, и учреждение на территории СССР классово чуждого капиталистического строя.

Для осуществления этого планируется проведение соответствующей идеологической обработки с помощью продажных журналистов, а также с задействованием всех форм и возможностей средств массовой информации.

Более подробную информацию готов сообщить при личной встрече'.

Подпись - полковник Громов Ф. Г.,
начальник аналитического отдела управления
разведкой КГБ СССР.

Дело намечалось нешуточное. В короткий срок необходимо было найти и обезвредить врагов народа среди высокопоставленных лиц из Политбюро, армии, спецслужб.

И пока за всеми этими разоблачениями стоял только он, Федор Геннадиевич Громов. По сути, сделай он ошибку, отправив данную докладную записку на имя врага - и все. План будет провален. Самого Громова и всех его агентов уничтожат, а страна еще более быстрыми темпами скатится в пропасть, куда ее запланировано ведут враги народа. Те недобитки, которые всегда существовали на территории нашего государства. И с которыми боролся Сталин, да разве со всеми справишься. Словно черви выползают они из нор, а потом снова в них прячутся при первой опасности. И сколько бы их не уничтожали, на место им приходят другие. Те, кто ищет легкой жизни. Стремившись достичь этой жизни за счет предательства других людей и предательства страны. Все эти троцкисты-вредители все еще живы. Не со всеми успел справиться Иосиф

Виссарионович. Потому что окружали они и самого Сталина. Потому что уже убили они его верных соратников (Кирова и др.) И подбирались к нему. И подобное ведь было в масштабах страны. И сейчас, в начале 80-х, когда власть в стране пока еще в руках Леонида Ильича, можно было бы не волноваться. Но уже понимал Громов, что скоро все закончится. Через несколько лет, за чередой сменяющих друг друга генсеков, придет совсем другой человек. И уже он начнет великий развал страны. А скинувший его другой президент - завершит этот развал. И погрузит страну в хаос.

Все это знал Громов. Более чем подробную информацию предоставил ему Никитин. И фактически Федору Геннадиевичу ничего уже не оставалось, только как срочно попытаться найти в рядах деятелей государства не предателя, а...

Но вот это пока и представляло главную трудность.

Громов вспомнил разговор с Никитиным.

--Я не уверен,--сказал тогда Глеб Аркадиевич,--что как-то возможно остановить, или хотя бы замедлить необратимые процессы истории.

--Это не история, а предательство отдельных лиц государства,--оборвал его тогда Громов.

Сейчас Федор Геннадиевич вспомнил тот разговор.

А еще через время, он встретился со своим старинным приятелем, одним из секретарей ленинградского горкома партии. И поставил того в известность о преобразованиях, которые могут начаться в стране.

--Ужас какой...--обхватил голову Левашов. Игорь Леонидович Левашов родился в год октябрьской революции. Сейчас ему было шестьдесят три. Это был кряжистый мужчина, с немного осунувшимися чертами лица, тихим голосом, и уверенными повадками партийного функционера.- Ты должен это остановить,-- обратился Левашов к Громову. Остановить,-- повторил он.

--И на корню раздавить гидру,--усмехнулся Громов.

Игорь Леонидович обеспокоено на него посмотрел.

--Да нет,--повернулся к нему Громов.- Все верно. Проблема только...

Левашов выжидательно смотрел на Громова.

--Проблема только - что не знаешь, кому доверять,--вздыхнул Громов.- Известные нам события, то, что они сделали со страной, показывают, что прав был исключительно Сталин - кругом предатели. Разве можно назвать иначе как не предательством то, что, судя по имеющейся у меня информации, готовится произойти со страной. Сам развал великой державы уже есть акт предательства и если он будет осуществлен, то уже без сомнений (немигающим взглядом Громов смотрел на Левашова, следя за любой его реакцией, словно бы ожидая проявления чего-то такого, после чего он мог бы решить что перед ним тоже предатель) произойдет с подачи врагов народа.

--Я всегда был против того, чтобы предателей сажали в лагеря,--сказал Громов.- Предателей необходимо только расстреливать. Только расстреливать,--повторил он, просверливая взглядом Левашова.

--Ты знаешь,--тихо произнес Левашов.-Я знаю человека, в котором искренне уверен.

--Тихонов?-посмотрел на Левашова Громов. Левашов испуганно дернулся.

--У вас что-то на него есть?-спросил он через время, пытаясь держаться спокойным.

--У нас на всех что-то есть,--философски заметил Громов.-Но Тихонов не подойдет. Не тот масштаб. Да и не приторговывают патриоты антиквариатом,--усмехнулся он.

--А Мотыгин?-с надеждой посмотрел на Громова Левашов.

--Мотыгин тоже не подходит,--устало произнес Громов. И видимо желая исключить дальнейшие предположения Левашова, пояснил ему, что перебрал все окружение Игоря Леонидовича. Достойных кандидатур там не было.

--Ну подожди,--не мог смириться с подобным Левашов.-А...--он задумался. Ему не хотелось верить, что все действительно так.

Внезапно Левашов вспомнил Панченко. Кирилл Васильевич Панченко вполне мог оказаться способен разрешить подобный вопрос.

--Мне надо позвонить,--произнес Левашов.- Договориться о встрече. Есть у меня человек, который вполне нам поможет. Вот только...--он стал озираться по сторонам, ища телефон-автомат (встретились они в одном из парков города).- У тебя есть две копейки?-спросил Левашов, не обнаружив мелочи в карманах брюк.

--Есть,--улыбнулся Громов.-Кстати, в будущем за две копейки уже не позвонишь,--сказал он Левашову.-Да и на такси за рубль не проедешь... Новая власть принесет и совсем иной порядок цен. Нет уже сливочного мороженого за 12 копеек и пломбира за 20. Только хлеб будет стоить 20 рублей буханка.

--Да ты что?-испуганно повернулся к нему Левашов, продолжавший всматриваться в окружающий пейзаж, в поисках телефона-автомата.

--В том то и дело,--кивнул Громов, пойдя вслед за Левашовым, который высмотрел телефон-автомат.-Эти сволочи все изменили. К тому же в стране появится многопартийность. А наша нынешняя партия будет чуть ли не объявлена вне закона. Фактически только поддержка народа ее спасет. Но...

--Кирилл Васильевич,-- дозвонился Левашов с первого раза.- Это Левашов. Кирилл Васильевич, вы не найдете в своем графике минутку для меня. Есть очень серьезный разговор... Да... Да... Нет... Все понял. Спасибо, Кирилл Васильевич. Ну, тогда до встречи.

А еще через время, Левашов и Громов встретились с Панченко.

Кирилл Васильевич Панченко был генерал-полковником бронетанковых войск (в отставке) и героем Советского Союза. Недавно ему

исполнилось восемьдесят лет. Несмотря на возраст, он был моложав, и судя по взгляду видимо действительно обладал связями на самом верху.

Через время к разговору присоединился полковник Степаненко, адъютант маршала Бровина. А затем и сам Бровин. Который привел с собой членов ЦК Замятина и Долгих.

В итоге, образовался узкий круг людей, занимающих ответственные посты в стране, и решившиеся помочь спасти империю от гибели.

Глава 7

Микоян принес первые сведения. Они подтвердились с информацией, уже ставшей известной Карелиусу. Ряд высокопоставленных лиц готовили государственный переворот. Причем нити заговора тянулись на самый верх. И самое главное - агент Карелиуса Никитин оказался предателем. У Виктора Степановича появилась информация о его встрече с Громовым. Недавно Громов получил

повышение, перейдя в Главное разведуправление Армии в звании генерал-лейтенанта, и в должности, позволявшей ему пока стать недостижимым для Карелиуса. Самого Карелиуса тоже повысили. Давно находящийся на генеральской должности, но остававшийся штатским, Виктор Степанович Карелиус получил звание генерал-полковника. Став одним из заместителей председателя Комитета Безопасности (что входило в его обязанности другие сотрудники старались не вдаваться).

Срочно поставив в известность своего прямого начальника, он получил санкции на арест ряда чиновников и генералов. Но неожиданно скончался генеральный секретарь. И до поры до времени Карелиусу приказали ждать. В стране начиналась борьба за власть. И пока было не до того.

.....

.....

Громову доложили об имеющемся распоряжении в отношении известных ему лиц. И он понял, что попросту ничего сделать не успеет. По имеющимся у него сведениям, страну должен был возглавить председатель ГосБезопасности. А значит... А значит уже фактически все,--понял Громов, зная о противостоянии руководителей двух сильнейших ведомств.

А еще через время, все так и случилось. Страну возглавил человек, под началом которого он когда-то начинал свою службу в органах разведки. А нынешнего руководителя Громова - оправили на пенсию.

А потом новый генсек приступил к преобразованию страны. Начались громкие процессы. Люди, которых Громов планировал задействовать в операции - были или уволены со своих постов (на пенсию, в отставку или на понижение) или оказались в следственных изоляторах. Начиналось новое время. И места себе в

этом времени Федор Геннадиевич пока не видел. Хотя и знал, что имеющийся у него материал не позволит достаточно легко расправиться с ним. И взял тайм-аут. Решив немного подождать. От Никитина он знал, что власть в стране бывшего генерала будет недолгой. И потом у Громова вновь появится возможность победить. Если доживет.

Часть 3

Глава 1

Павел Степанович Мишин верил, что в его жизни все должно в скором времени измениться. В чем могло это 'все' выражаться, и вообще - в какой области могут быть изменения, Мишин не знал. Только догадывался. Но что такое догадки, в сравнении с правдой.

А вот правды-то как раз у Мишина и не было. Всю жизнь он искал правду, и всякий раз она от него удалялась. Находила лазейку даже тогда,

когда он вроде как захватывал ее в тиски, и -
выскальзывала.

--Неуловимая бестия,--воскликнул, бывало, Павел Степанович, и все начиналось по новой. Он искал. Она удалялась. И все было как будто запрограммировано на долгие годы вперед. Чтобы невозможно стало как-то быстро и досрочно решить вопрос. Да и сам вопрос иногда казался столь легким и поверхностным, что случалось Мишин даже всерьез раздумывал, а стоит ли ему, собственно, заниматься чем-то подобным.

Стоит. Стоит, стоит, стоит,--настраивал они сам себя. И казалось, что мир вокруг смеется вместе с ним от радости и счастья. Потому что одновременно с такой уверенностью приходила у Павла Степановича и уверенность, что все получается; ну или действительно вскоре станет возможным и получится.

И иного не дано.

И пускался тогда Павел Степанович в пляс. Он ведь не стеснялся выражать свои чувства ни перед кем. Что ему были люди. Что было их мнение.

Не важно все это. Ну, иной раз, если и было что
него важно, так это только чтобы никогда никакие
поступки его чтобы не имели каких-либо
последствий. И что уж точно - сам Мишин никогда
не должен был зависеть от всего этого.

.....

.....

После окончания МГИМО Павел Мишин
отправился послом в одну из африканских стран.
После - работал при посольствах ряда европейских
государств, пока, в конце 80-х, не получил
приглашение перейти на работу в Министерство
энергетики и электрификации СССР.

Мишин согласился. Да и возраст (Мишину
было сорок семь лет) словно бы располагал еще к
новым свершениям. И Мишин стремился к ним.
Хотя и многие не понимали подобное стремление.
Но что ему были многие. Он научился не обращать
внимание на посторонних. А близкие его уважали.

.....

.....

Мишин уже полчаса сидел в приемной Карелиуса. Виктор Степанович Карелиус проводил срочное совещание.

Наконец совещание закончилось, и люди среднего и пожилого возраста в строгих костюмах стали выходить в приемную и далее растворялись в коридорах власти.

Пригласили Мишина.

--Здравствуй, дорогой,--вышел к нему из-за длинного стола Карелиус.-Сам понимаешь...

Мишин кивнул, мол, о чем речь, работа.

--Значит, создалась такая ситуация...--сказал Карелиус, когда они разместились напротив друг друга за столом.

Мишин внимательно слушал.

--...Наши враги активизировали свои действия... Ряд высокопоставленных сотрудников мы успели арестовать. Кто-то бежал на Запад. Кто-то не успел. В стране оказалось слишком много

предателей. И они как тараканы повыползали из щелей. Причем, в числе предателей оказались даже те, на кого бы никогда и не подумали,--удручающе констатировал факт Карелиус. Его лицо, впрочем, оставалось безучастным. Лишь иногда эмоции слегка захлестывали его. Но это было лишь эпизодически. Да и то - разве что только для того, чтобы собеседник видел отношение ко всему со стороны самого Карелиуса.

Мишин смотрел на Карелиуса и слушал. Знали они друг друга уже давно. Первые пять-десять лет просто приятельствовали. Потом стали товарищами. И хотя за все эти годы отношения между ними не выходили за стадию товарищеско-приятельских отношений, сейчас настало такое время, когда Карелиусу стал нужен Мишин.

Виктор Степанович планировал предложить Павлу Степановичу Мишину возглавить министерство иностранных дел. Ни больше, не меньше. А если тот не согласится - то, как минимум, кресло заместителя министра. В таком случае на пост министра он предложит другого своего

товарища. Карелиус планировал ситуацию в стране взять под контроль. Он знал, что именно сейчас наступило то время, когда он должен действовать. Если упустит время - больше такой возможности (по крайней мере, в ближайшее время) не представится. А значит, вновь последует кропотливая работа по подготовке к контролю власти. Но ведь всегда людей было легче контролировать, когда это уже изначально были твои люди. Те, которых ты знал давно, и в которых был уверен. Это действительно легче, чем приспособливаться к каким-то новым субъектам, гадая, станут ли они преданными тебе, или наоборот - за внешней улыбкой будет угадываться желание при первой же возможности предать.

Но Карелиус умел разбираться в людях. Все свои пятьдесят лет он только этим и занимался, что разбирался. Еще с пеленок пытаюсь манипулировать родителями, вынуждая их идти на уступки. В ином случае - детский визг и плач. И его успокаивали. Таким образом, он добивался того, чего хотел.

Что уж говорить о его нынешних годах. Это был монстр в человеческом обличье. И за внешней приветливостью вполне угадывалась сила и мощь тигра.

Да Карелиус и на самом деле способен был разорвать кого угодно. Он умело выстраивал сеть искусной обороны даже против, вроде как, и более крупных по статусу противников. Они все уже изначально проигрывали ему. На всех был компромат. Было известно обо всех слабых сторонах всех возможных конкурентов, а также просто людей, которые когда-то могли Карелиусу пригодиться. Причем, судя по материалам, Карелиус планировал многое. Если не все. И даже если у кого-то (случалось и такое; в основном из ленинско-сталинской гвардии) слабых сторон не было - слабость всегда могла присутствовать у их детей, внуков, любимых родственников. А значит такие люди все равно попадали под манипулирование Виктором Степановичем Карелиусом. Притом что раздобыть компромат на родственников всегда было легче. А по возможным

последствиям, становилось даже эффективнее. Потому что если на себя многие могли в случае чего махнуть рукой, то поставить под удар близких... Это уже надо было иметь слишком сильную волю. Которой мало кто обладал. А значит, становился подконтролен Виктору Степановичу Карелиусу.

Выстраиваемая им сеть была сродни паутине, и последующему лабиринту. Каждый пункт плана был подстрахован мельчайшими деталями другого. Все оказывалось настолько связано между собой, что на первый взгляд совсем невозможно было разобраться в этой паутине (паутина в иных случаях становилась синонимична путанице). А Карелиус в ней чувствовал себя как рыба в воде. Да и кто помимо него должен был еще в ней разбираться. Чужих в свои планы Виктор Степанович не допускал. Но и даже доверенные люди знали только часть, будучи задействованными на каком-то одном участке. И не зная не только куда простирается разветвленная сеть дальше, но и вообще - мало что зная. Виктор Степанович умел

держат в секрете свои тайны. Не выдавая их ни близким, ни друзьям. И даже своему руководству. Которому, если честно, Карелиус не доверял. Но не потому что был скрытым предателем. Ни в коем случае. Просто он любил изначально подстраховываться. И знал, что недооценить противника - сродни запланированному поражению. Причем, людей не только нельзя было недооценивать, но их нежелательно было и провоцировать. Ни на какие действия. Тайна, тайна, и еще раз тайна,--любил повторять Виктор Степанович. И подобную тайну всегда соблюдал.

Ну а о том, что должны были знать другие - решал сам Карелиус. И не планировал для восприятия их психикой никакой лишней информации. Ничего лишнего. Так повелось с самого начала. Когда он только приступил к созданию огромной сети после своего назначения на соответствующую должность в системе госбезопасности. Но тогда ему было тридцать с небольшим. В Систему он пришел за год до снятия

тогдашнего генсека Хрущева с занимаемой должности. И когда в октябре 1964 Хрущева сняли, Карелиус получил свое первое крупное повышение.

Чем он на самом деле занимался - не знал никто. У Виктора Степановича были полномочия, в соответствии с которыми подчинялся он исключительно председателю Комитета. И даже замы того не имели права вмешиваться в работу Карелиуса. Работа носила секретный характер. И от эффективности ее в конечном итоге зависела безопасность страны. Впрочем, как и от других ведомств единой цепи, именуемой Системой.

Но в случае удачного осуществления плана Карелиуса (и тех научно-исследовательских участков, которые он курировал) все могло произойти значительно быстрее, поставив тех, кто поддерживал Виктора Степановича - в более выгодные условия в сравнение с другими. Потому как, определенная часть находящихся в его подчинении проектов (проектов на самом деле было много, и различные ведомства в той или иной мере курировали какие-то разработки и исследования) на

которые он сделал какую-то особенную ставку - на самом деле со временем действительно могли сыграть свою роль. И роль эта, помимо предиката в отрасли, могла помочь подчинить мир. Если не весь, то хотя бы тот, который простирался вокруг Виктора Степановича.

И для успешной работы ему были необходимы свои люди. Один из тех, кого он считал своим - и был Павел Степанович Мишин.

Глава 2

Генерал Громов ждал своего часа. После смерти очередного генсека (бывшего руководителя Комитета), страну вновь возглавил человек из старого политбюро. С Константином Устиновичем Громов познакомился еще в бытность того кандидатом в члены ЦК. Тогда Громов был еще молод. Однако за прошедшие годы знакомство не выросло из разряда шапочного. Федор Геннадиевич никогда не стремился ни перед кем заискивать. И

это видимо нравилось определенным людям. Тем, кто поддерживал Громова. Он получил внеочередное повышение звания и повышение должности.

Своей властью он смог вызволить из темницы верных людей. Часть из них вновь заняло прежние должности. Кого-то за это время Громов сумел поднять сам. Теперь важно было не ошибиться. Согласно информации, полученной от Никитина, в самое ближайшее время в стране могут начаться необратимые преобразования. А значит, начинать действовать надо было сейчас. И все делать быстро, срочно, и с самым безжалостным образом расправиться с теми, кто собирался свергнуть его страну в хаос и анархию, под девизом борьбы с застоём.

И вот тут Карелиус впервые столкнулся с прямым противостоянием Карелиуса. Два заместителя руководителей крупнейших ведомств (разведки и безопасности) должны были впервые столкнуться в открытом противостоянии. Точнее - пока еще тайном противостоянии. Но уже все

говорило о том, что предстоит открытая борьба. И одержать победу в этой борьбе необходимо было прежде, чем страну, как уже знал Громов из имеющегося у него донесения, возглавит бывший ставропольский секретарь. После чего страны уже не станет. Потому как далее начнется противостояние того со свердловским секретарем. А потом уже все.

Громов знал, что это 'все' наступит -- потому как пока вся информация, представленная Никитиным подтверждалась.

.....
.....

Никитина отозвали обратно. После доклада Карелиусу (Глебу Аркадиевичу уже ничего не оставалось, как обо всем подробно доложить своему прямому начальнику), у Никитина остались противоречивые чувства. Причем его не отпускало ощущение, что Карелиус обо всем уже знал. Знал и без его доклада. И тогда получалось, что у него

могли бы возникнуть серьезные вопросы относительно того, насколько было необходимо обо всем докладывать. Хотя он и понимал, что отказ в подобном грозил обвинению в неподчинении приказа, а значит, могло закончиться для него плачевно. Да и, как догадывался Никитин, помимо него были засланы еще агенты. И теперь информация самым тщательным образом сверяется. И готовится доклад на самый верх. Прежде всего, председателю комитета безопасности. А он уже, находясь в подчинении совета министров, обязан будет доложить или им, или, что скорее, как предполагал Никитин, самому генсеку.

И все понимали, что надо срочно действовать. Что страну еще можно было спасти. Что для этого, быть может, надо было срочно ликвидировать врагов народа, находящихся на самомверху. Предателей великого государства. Империи. Советского союза. Сволочей и негодяев...

Никитин с трудом справлялся с негодованием. Он уже понимал, что никто ничего

сделать не успеет. Власть предусматривает также и просчитывание любых ситуаций, чтобы удержаться на соответствующей ступеньке этой самой власти. А значит пока не будет выверенных расчетов,-- все может получиться именно так, как рассказал в докладе Никитин. Даже независимо от предположений неких должностных лиц (как, например, высказался один из заместителей Карелиуса, присутствовавшего при докладе Никитина, сравнив слова Глеба Аркадиевича с вымыслом, а после, в пылу спора, вообще сказал, что все сон или бред, и предпринимать решительные меры было опасно и преждевременно).

Против принятия срочных мер говорило только одно: никто на самом деле не знал, как будет. На дворе стоял 1984 год. И в стране пока ничего не предвещало беды.

И тогда уже все, о чем поведал Никитин - пока было ничем иным, как очередным донесением. Которые стекались в ведомство Карелиуса со всего

мира (от заброшенных по земному шару агентов). Так же как, впрочем, информация стекалась и в ведомство Громова. И два зама руководителей крупнейших спецслужб мира имели различную точку зрения по данному вопросу. Громов поверил, Карелиус сомневался. Не верил. Он верил только себе. В свою силу. И знал, что ничего подобного тому, о чем рассказал ему Никитин (и докладывали другие агенты) не произойдет. Он этого не допустит. Он, Виктор Степанович Карелиус держит ситуацию под контролем.

Причем он был настолько уверен в своей власти (и распространяемом вокруг контроле), что даже несколько раз уже отклонил предложение возглавить безопасность страны. Его вполне устраивала его нынешняя должность. Как ни странно, но она предусматривала больше возможностей и вносимых вариаций в то же самое управление страной. Он находился не на виду. И это было главное.

Глава 3

Шмеерсон закончил последние выкладки своей теории. Согласно подготовленной им теоретической базе, все, что происходило в последнее время, являлось результатом некогда разработанной им самим же системе. Это была его давнишняя работа. Тогда ему было 22-23 года. Более пятидесяти лет назад. И данные его нынешней работы удивительным образом совпадали с некогда уже имеющимися, существующими.

Однако сейчас перед Альфредом Мойшевичем возник один весьма важный вопрос. Учитывая то, что занимался он выполнением подобной работы внеурочное время, то и оказывалось, что о результатах ее ему было некому докладывать. Это при СССР он бы с радостью доложил обо всем вышестоящему начальству, получив какие-либо блага. Теперь же современные реалии диктовал рынок. А Альфред Мойшевич получал столь мизерную зарплату в своей академии

наук, что ему совсем не хотелось делиться полученными данными с руководством. Тем более понимая, что самому руководству это вполне может быть безразличным.

Однако с окончанием работы жизнь Шмеерсона стало неким таинственным образом изменяться. Прежде всего, совсем неожиданно ему значительно подняли зарплату. Та стала, конечно, не такая, как у его коллег на Западе, но одна десятая часть западной у него уже вполне была. А в сравнении с тем, что было - повышение было существенно.

Однако помимо каких-либо социальных выплат, Альфред Мойшевич получил и ряд интересных предложения от известного ведомства. Об этом он, конечно, традиционно предпочитал никому не рассказывать. Но уже становилось понятно, что Шмеерсон рад. Очень рад. Рад прежде всего востребованности. Тому, что теперь вся его деятельность приобретала более конструктивный характер.

Притом что на самом деле,-- за всеми его исследованиями следили и раньше. И так или иначе - курировали. И тогда отличие заключалось лишь в том, что раньше - не говорили. А теперь - сказали.

Но ведь на самом деле было главное и не это.

Альфред Мойшевич Шмеерсон только что закончил очень важную работу. Выводы по ней для многих людей могли бы сделать жизнь совсем другой. И поэтому Шмеерсон понимал, что не должен просто так отдавать свои результаты. Ведь если предположить, что воспользуются ей люди с нечистой совестью, тогда... Ну, мир не перевернется (Шмеерсон все-таки отдавал себе отчет, что существует ряд сдерживающих факторов, которые со временем способны нейтрализовать имеющиеся выводы), но какое-то время уйдет на обезвреживание врага. И значит... В общем, пока Шмеерсон решил, что этого нельзя было допускать. И надо было, как минимум, найти тех, кому результаты его работы будут более чем необходимы.

Но так вышло, что пока Шмеерсон размышлял в предвкушении ожидавшей его славы, о нем забыли. Все вроде как оставалось по-прежнему. Но его никуда не вызывали. С ним не встречались. И вообще, для него началась своеобразная информационная блокада. В том плане, что он остался один. И перестал получать информацию из внешнего мира. Он ведь был отшельник. Работал исключительно в своей лаборатории. Вход в лабораторию имел отдельный. Ключ был только у него и у руководства. Но руководство давно уже не интересовалось результатами его работы. Уважали его старость? Вполне может быть и так. Ну, или получили распоряжение не вмешиваться, --предположил Шмеерсон, и почувствовал, что это только добавляет ему тревог.

Переживал ли Шмеерсон? Переживал. Переживал, было не то слово. Он вдруг разом почувствовал, что дело попросту совсем плохо. И надо опасаться всего что угодно.

А еще его вдруг стало мучить предательское чувство вины.

--Чертово ощущение,--не раз, бывало, восклицал в сердцах этот человек. Понимая, что в этой ситуации совсем бесправен. Да и все попытки как-то проанализировать и упорядочить разраставшиеся в его душе негативные ощущения, на самом деле ни к чему не приводили. Ни к чему положительному. И все словно бы оставалось по-прежнему.

Хотя Альфред Мойшевич и был уверен в себе. И знал, что он все равно еще раз (если потребуется - не один и не два, а много раз) проанализирует ситуацию, и найдет из нее выход.

А значит, по сути, все будет хорошо и правильно. Прежде всего, правильно. Ну и значит хорошо.

Глава 4

Громов решил сделать предложение
Мишину. Предложение касалось...

Здесь на самом деле становилось важным другое. Уже давно Федор Геннадиевич Громов переходил дорогу Карелиусу. Ну, или Карелиус - ему (смотря с какой плоскости смотреть). Но главное было то, что Федору Геннадиевичу вдруг действительно понадобился Мишин. Причем, нужен он ему был не для дипломатической работы. Громов никогда не считал Мишина серьезным дипломатом. И работа того в министерстве энергетики словно была этому подтверждением. Карту же Павла Степановича Мишина Громов решил разыграть по своему. Он предложил ему помочь войти правительство. В совет министров СССР. Причем сначала в ранге зам. министра, потом министра, и в конце концов Совмин возглавить. Ни больше, не меньше. Причем на все про все, учитывая связи и возможности Громова, должно было уйти не больше полугода.

Мишин как бы ненароком сказал, что получил предложение возглавить МИД. Громов согласно кивнул. Ему уже доложили о встрече Мишина и Карелиуса. И потому сейчас Громову пришлось задействовать все свои способности, чтобы убедить Мишина принять именно его предложение. К тому же, в конечном итоге он ему предлагал пост несколько выше, предложенного Карелиусом.

По всему было заметно, что Павел Степанович сомневался. Громов уже решил для себя, что если Мишин не согласится, его придется выводить из игры. Ставку на сомневающихся людей, учитывая те преобразования, которые должны были в скором времени начаться в стране, делать не стоило.

А еще необходимо было ликвидировать всех, кто знал о том, что в скором времени должно было произойти. И в первую очередь вопрос стал о Никитине. Но Никитину он доверял. Хотя и в плане Громова Глеб Аркадиевич Никитин также подлежал

уничтожению. Правда, не в первую очередь. Пока он еще собирался использовать его потенциал. К тому же, по данным врачей, участвующих в эксперименте, было совсем неизвестно, как поведет себя человек через годы. Ведь окончание эксперимента было неизвестно. Эксперимента, в результате которого Никитина удалось транспортировать в будущее (введя в состояние глубокого гипноза, и погрузив в специально разработанный лучшими специалистами Советского Союза Полигон - тот самый объект 'П'-- где было спрогнозировано как поведет себя советский человек, если предположить, что вместо существующего советского строя на территории СССР начался бы капитализм (более чем секретная разработка спецслужб СССР, о которой до сих не все еще знают). На этот проект ушли миллионы и миллиарды рублей и американских долларов. На базе полигона были воздвигнуты города, точные копии реально существующих. Но при этом там внедрили новый строй (с точнейшими просчетами, начиная от идеологической подготовки, и

заканчивая якобы западными инвестициями и изменением общего уровня жизни, с приближением его к западным стандартам). Все это было. Но случилось то, что никто не мог предусмотреть. Отобранные для эксперимента люди - достаточно быстро поверили в истинную реальность иллюзорно созданного общества. И поверив - стали и на самом деле жить так, как если бы это было при капитализме в СССР.

И вот тут и потребовались такие люди как Никитин (и еще ряд агентов, донесения которых сначала подлежали сверке, после чего агенты или уничтожались, или помещались в психиатрические лечебницы). Иначе оградить массы от того, что эти бывшие агенты стали бы говорить - было невозможно, или же очень трудно. Да и не нужно. На место старых кадров всегда готовы были заступить новые. Тем более что по людским ресурсам Советский Союз пока еще лидировал среди большинства стран (отдавая пальму первенства лишь ряду государств: Китаю и Индии, например). К тому же идеологическая

составляющая режима позволяла достаточно легко вербовать новые кадры. И даже затраты на обучение окупали тот возможный вред, которые могли приносить эти агенты, когда их уже фактически попросту опасно было использовать.

Поэтому и понадобился Никитин (хотя и ряд лиц, в том числе Карелиус, необходимость использования Никитина, как и вообще его полезность, ставили под сомнение), получивший прозвище Архимед, и буду заброшенным в недалекое будущее, а фактически все это время находящийся в настоящем, на секретном полигоне советских спецслужб. Но если Карелиусу был Никитин не нужен, то Громов все же решил, по крайней мере, оставить того под своим контролем. Подстроив, например, автокатастрофу, и официально ликвидировав Никитина. Официально, чтобы так считали все, в том числе и Карелиус. И хотя того было не так-то просто обмануть, противостояние с ним было очень важным для Громова. Тем более что за противостоянием должна

была следовать победа. И Федор Геннадиевич в нее верил.

Глава 5

Мозг Ильи Петровича Пестуна все время требовал новых знаний.

Можно было сказать, что фактически их Илья Петрович все время и получал. Но если подходить с такой позицией к данному вопросу, то все же надо было заметить, что было это излишне претенциозно, что ли. Потому как случалось, Илья Петрович и ничего такого не получал. И сколько не стремился, добиться каких-то результатов в начатых им преобразованиях в собственной жизни у него не получалось.

Выходило так, что Илья Петрович, в свои сорок два, вдруг понял, что почти совсем не обладает необходимыми знаниями. То есть, вроде как и хотел, и даже стремился их получить. А на

самом деле ничего особо значимого у него не вышло.

И тогда он начинал все сначала. А жизнь его принимало то движение, которое можно было назвать результативным только уж с сильной натяжкой. А, по сути - и нельзя. Справедливости, как говорится, ради. Ведь Илья Петрович Пестун был честным человеком. Имел прекрасное, университетское, образование. Но вот в жизни находился как бы на незадействованных - его потенциалу - позициях. И всячески стремился это исправить.

Пока не получалось.

.....
.....

Работал Пестун преподавателем немецкого языка в университете, который когда-то и закончил. С жизнью Пестун старался тоже общаться только на немецком. Ну, еще быть может на английском.

Который тоже знал, но всегда говорил что подобный язык ему нисколько не нравился. Так уж выходило.

Карелиус заметил Пестуна давно. И для себя решил, что со временем сможет его как-то использовать.

И вскоре нашел ему нехитрое применение. Пестун стал осведомителем. Роль незавидная, но Виктору Степановичу удалось убедить Илью Петровича что ситуация эта на самом деле временная. И по прошествии этого самого времени он найдет для него лучшее занятие.

Пестун поверил. Карелиус в душе порадовался подобной доверчивости. Но ведь, по сути, у него большинство было таких. А с теми, кто не верил, Карелиус находил способы решить вопрос. По своему, как говорится. Применяя в иных случаях мощь и поддержку организации, которой служил верой и правдой.

.....

.....

Так случилось, что Пестун решил эмигрировать на Запад. Решение еще вроде как вынашивалось в его сознании, но о нем уже узнал Карелиус. Хотя и решил пока не говорить об этом Пестуну. Понаблюдать за ним. И тем временем придумать ему место в западной жизни. Того, при этом, особо в курс дела и не вводя. Намного интересней было работать с человеком, когда он об этом не догадывался. Когда жизненные свершения в его жизни происходили, по мнению такого человека, сами собой. А на самом деле имели четкую запрограммированность от кураторов.

В случае с Пестуном, впрочем, куратор был один. Виктор Степанович Карелиус. И это было, по сути, правильно. Потому что позволяло вести по жизни одного человека, не отвлекаясь на детали. Да и его проверять и задействовать становилось тоже легче.

У кого-то мог бы возникнуть вопрос, что об этом думал сам Пестун? Так он думал тоже самое. Догадываясь откуда на него периодически сваливались земные блага. И кто отводит от него врагов, стремящихся, было, навязать Илье Петровичу свои правила игры.

Но это, впрочем, в природе человека. Навязывать удобные ему условия жизни другим. И следить за тем, чтобы другие подстраивались, принимая эти условия. И это, в общем-то, было вполне оправданно. Учитывая общую специфику развития эволюционного процесса.

.....
.....

Громов, было, тоже заинтересовался Пестуном. Да еще какое-то время поразмышляв, пришел к выводу, что как раз ему Илья Петрович не интересен. Не так, чтобы совсем безразличен (все-таки какие-то варианты задействования в мозгу у Громова промелькнули), но по сути - как человек -

Пестун его не устраивал. Да такими стукачами и так было заполнено ведомство. И недавно пришел негласный приказ начинать от них избавляться. Поновому пересортировав имеющийся штат добровольных осведомителей, как они проходили по тайным ведомостям ('в царской охранке тоже было что-то подобное', -- как помнил Громов из лекций. Поэтому можно сказать, что базу большевики взяли у прежнего режима. Усовершенствовав, впрочем, работу аппарат сексотов до филигранности исполнения и работы последних, и контроля над ними).

Но на самом деле Громов вполне мог найти работу любому человеку. Никто не отнимал его способности так вычислять психологию человека, чтобы после -- находить ему правильное использование.

Да вот проблема была в том, что людей, и даже быть может полезных людей, было достаточно; а вот верных людей -- очень и очень мало. А в связи с ожидаемыми преобразованиями в

стране Федор Геннадиевич Громов должен был делать ставку только на верных людей. Чтобы знать, что в час 'ч' они его не подведут.

А это накладывало свой отпечаток на работу всех последних дней. Когда Громов стал просеивать собственную агентурную сеть. Стараясь, впрочем, это делать так, чтобы никто ни о чем не догадывался (кругом были враги, и Громов об этом знал).

Глава 6

Загорский вновь заявил о себе. Точнее - дал о себе знать желанием стать политэмигрантом. Он пришел в немецкое посольство, и сказал что у него двоюродный дядя - бывший власовец, дедушка - бывший бендеровец, а сам он убежденный монархист. За царя и отечество, в общем. И хочет, чтобы на него могли положиться в борьбе с большевичками.

'Немцы' (посольство на полигоне состояло сплошь из сотрудников КГБ) с радостью приняли

перебежчика. И тут же об этом узнал Карелиус. Который приказал в срочном порядке выявить всю агентурную сеть (тех, кто имеет такие же убеждения как Загорский), после чего всех ликвидировать. Ну а попросту - сделать так, чтобы люди исчезли бесследно.

Что и было сделано.

И Загорский исчез. А вместе с ним и Никитин. Правда, в отношении Никитина у Карелиуса произошел первый сбой. Своих людей Громов не бросал. И вскоре, сделав Глебу Аркадиевичу новые документы (теперь он стал Станиславом Борисовичем Савраскиным; новое имя, впрочем, надолго не прижилось, и через время решено было вернуться к старому), направил его для работы в отдаленную точку, где тоже осуществлялась работа. В Аргентину. Временно. В посольство.

Карелиусу, кстати, достаточно быстро об этом доложили. Но Никитин стал ему уже неинтересен. И в этом проявлялась удивительная особенность Виктора Степановича. Проводил он

меры воздействия только в отношении тех, кто мог ему помешать в конкретном периоде времени. Если же человек не мешал (ускользая каким-то образом от применяемых в отношении него мер), то Карелиус его уже не преследовал. И даже всячески поддерживал убеждение того, что от него действительно отстали. Это было так. Тогда этот человек мог не только жить своей жизнью, но и проявиться как-то по-новому. Притом что Карелиус знал: когда такой человек ему потребуется вновь - он его привлечет. А к этому сведению подкопит материал на него. И уже будет твердо знать, что тот человек никуда не денется.

Была и еще одна оправданность именно такого подхода. Все дело в том, что ко времени появления необходимости для Карелиуса нового использования некогда попавшего к нему на крючок человека, он успевал разобраться с лицом, прикрывавшим того. Ведь если какой-то человек смог бы от него уйти, то в большинстве случаев это бы означало, что ему кто-то помог. А значит этот кто-то - был замаскированный враг и сильный зверь.

Которого требовалось усмирить. Для начала - усыпив его бдительность.

И пока это удавалось.

.....

.....

Став Станиславом Борисовичем

Савраскиным, Архимед (а у него по-прежнему осталось прежнее прозвище) было занервничал (понимая, что все с ним произошло неспроста), но потом рассудил, что даже лучше, что все произошло именно так. По крайней мере, у него было время вновь осмыслить происходящее. И подойти к своему будущему (и в первую очередь к настоящему; ведь будущего могло попросту не быть) с новыми силами. Решив во что бы то ни стало взять за основу такую модель поведения, благодаря которой ему стало бы легче жить. Совершать какие-то свершения в этой жизни. Ну и, фактически, выжить. Ведь он отдавал отчет, что все произошло с ним действительно неспроста. И

требовалось какое-то время, за которое он сможет во всем разобраться. И выработает позицию противостояния врагу.

Пока таким врагом для него был Карелиус. Более того, Никитин-Архимед понимал, что победа его будет заключаться только в случае ликвидации самого Карелиуса, а вместе с ним - и основной когорты приближенных к нему людей. В иных случаях - покоя не будет.

.....

.....

Громов знал о подобных мыслях Никитина. До сих пор ему вполне удавалось просчитывать этого человека. Поэтому и отправляя Архимеда в Аргентину, Федор Геннадиевич преследовал далеко идущие планы. Согласно которым (если только на немного приоткрыть завесу) Архимед должен был стать спец. агентом экстра-класса. Ликвидировать пути влияния Карелиуса сначала в Аргентине, а потом и в ряде других крупных городов различных

стран, где Виктором Степановичем Карелиусом была создана мощная агентурная сеть. Причем сама сеть должна была остаться. Требовалось просто заменить людей (Громовских на прежних, входящих в распоряжение Карелиуса). Также подобное планировалось проделать и в самой Москве, а также в крупных городах России. И уже после - нанести удар по самому Карелиусу. К этому времени у того не должно было остаться людей, на которые он бы мог положиться. Все они должны быть сначала дискредитированы, и фактически санкцию на их уничтожение (как на предателей) должен был дать сам Карелиус. Громов лишь должен был его к этому сподвигнуть.

Глава 7

Карелиус решил еще раз перетасовать карты. Он анализировал имеющуюся информацию. Пока все выходило не совсем так, как он того хотел. И, прежде всего, у Виктора Степановича впервые

появилось сомнение, что будущее действительно не будет таким, как его обрисовали агенты, вернувшиеся с Полигона (официально проект 'П' был временно заморожен; агенты дислоцированы в распоряжение Карелиуса, и к этому времени практически все, за исключением Никитина, по сведениям Карелиуса скрывавшегося в Аргентине, были уничтожены).

Карелиус не любил проигрывать. Наоборот, они привык побеждать. И выстраиваемая им система до сих пор не давала сбоев. Но вот начался 1985 год, а потом и пришел март. Генеральным секретарем стал человек, которого когда-то двигал шеф Карелиуса. И его приход, как ни странно, был в докладе Никитина. Причем, так уже выходило, что сам Полигон оказался бесконтролен своим хозяевам. Когда его начинали строить, то вроде как закладывали все, что там должно было быть, и самое главное - устанавливался обратный контроль (со стороны комитета безопасности). Но постепенно ситуация стала выходить из-под контроля. И вскоре какая-либо связь с управлением виртуальной

страной оказалась потеряна. Поэтому и потребовались шпионы, уровня Никитина, которые собирали информацию о том, что же на самом деле происходило в детище разведки (полигон со временем перешел в исключительное ведение разведки; он не подчинялся даже политбюро. Это было личное распоряжение шефа комитета безопасности. Информацию о полигоне в политбюро и Совмин (официально любая разведка СССР подчинялась этим двум монстрам) не давать. Знали, конечно, какие-то люди из высших эшелонов власти. Да на всех них уже давно был заготовлен компромат. Так что, как-то воспрепятствовать деятельности полигона они не могли. Даже, несмотря на свой высокий статус.

Неожиданно Карелиус получил предложение возглавить комитет. Он отказался. Не первый раз ему уже предлагали. И всякий раз он отказывался, отсуживая себе все новые и новые полномочия. Являться замом ему было легче. Вроде как и власть имеется, и в то же время должность ни к чему не обязывала. Как говорится, не на виду. Что

для Виктора Степановича Карелиуса было самое главное. У него был свой план того, какой должна быть его Родина. И пока ему удавалось этому плану следовать.

.....

.....

Карелиус умело выстраивал агентурную сеть, которая к середине 80-х пронизала собой все эшелоны власти. Можно сказать, вся страна была у него под контролем. Начиная от крупных деятелей (к новому времени к таким деятелям помимо традиционных - министров и прочее, прибавились кооператоры и влиятельные бандиты) и заканчивая людьми помельче.

Карелиус придерживался правила, что необходимы все. Каждого можно было, так или иначе, задействовать в деятельности. В том числе, кого-то использовать в роли приманки. И, если это будет оправданно, Виктор Степанович Карелиус знал, что он так поступит. Людей он, конечно,

любил. Но ровно настолько, чтобы это не мешало работе. Его деятельности. Которая стояла для Карелиуса на первом месте. Да и люди через какое-то время все равно начинали портиться. Связанно это было с тем, знал Карелиус, что через какое-то время люди или переходят на следующий этап развития (в своем психическом состоянии), или отступают назад, не справляясь с взятыми на себя - в том числе и от жизни - обязательствами. Первых он до поры до времени поощрял. А как только понимал, что те становились (или только - готовы были стать) неуправляемыми - Карелиус их тут же вычеркивал из списка необходимых ему людей. А значит, после этого с таким человеком могло произойти все что угодно. Причем, если такой человек более-менее уверенно стоял на ногах, то тогда Карелиус сам помогал потопить такого человека. Зная людские слабости и имея компромат на всех - Виктор Степанович чувствовал себя в этой жизни вольготно. Ну а такие противники как Громов - были пока только на пользу. Они помогали

держат форму. Не расслабляться. И это по сути, как считал Виктор Степанович, было правильным.

С людьми, которые ничего из себя не представляли и только на каком-то этапе потребовавшиеся Карелиусу, Виктор Степанович расправлялся еще быстрее. Чаще всего их предусматривалось с самого начала использовать в роли агентов-приманок. После (когда они оказывались не нужны) их подставляли, и в основном -- или отдавали на съедение бывшим врагам (враги вдруг получали неожиданную информацию кто их когда-то предал), или попросту забывали о них. И обычно дальнейший путь подобных людей в чем-то становился одинаков: они спивались, и опускались на дно. Отдельные индивиды еще вроде как барахтались в воде, но общество уже теряло к ним всяческий интерес. И они фактически выживали, в пьяном угаре вспоминая о великих делах, совершенных с их участием. Причем порядочность этих людей не позволяла им ни при каких условиях выдать имя

организации, с которой когда-то сотрудничали. Да и, по сути, даже самые разуверившиеся из них ждали, что когда-нибудь их позовут обратно. Карелиус давно уже просчитал поведение всех, кого он когда-то привлекал. И если действительно отпускал такого человека, знал, что он ему будет не опасен.

Но в последнее время Виктор Степанович стал ощущать какое-то странное чувство.

Чувство это было действительно странное, и со временем грозило заполнить его сознание чем-то нехорошим, и даже отвратительным. Фактически это уже могло означать конец. Конец всем начинаниям Карелиуса. И потому он делал все возможное, чтобы это чувство ни за что не начало хозяйничать в его психике. И сделать это было возможно одним способом: не поддаваться на провокации.

По сути, этого могло оказаться достаточным. Притом что сам Карелиус все же

хотел, чтобы все у него было по-настоящему. Как говорится, без дураков. А для этого требовалось разобраться с тем, что происходит. Чтобы прекратить существование столь неприятного чувства. Фактически от него избавившись.

Кто-то, из числа недоброжелателей, мог бы сказать, конечно, что палача замучила совесть. Но на самом деле это было не совсем так. Уж сам-то Карелиус знал себя. И он никогда не мучился чем-то подобным, что можно было бы отнести к такому понятию как совесть. Ну, то есть, она у него конечно была. Но и воля была такой, что любые инсинуации психики, как-то: неуверенность и проч.,-- лишь только начинали набирать обороты, как тут же умирялись. Сразу и бесповоротно. А если какое-то время продолжались, то только лишь потому, что Виктор Карелиус должен был знать какие ощущения испытывают психотики, невротики, и прочие социопаты - из которых состояла добрая часть его осведомителей.

Воля и характер Виктора Степановича по-прежнему стояли во главе. Ничто не могло сломить этого человека.

И потому сам за себя Карелиус был всегда спокоен. И это, наверное, было самое главное.

Глава 8

Мишина и Пестуна решено было задействовать в операции 'Архимед'. На закате режима советской власти (и Карелиус и Громов были обеспокоены происходящими переменами) решено было бросить, быть может в последний бой, проверенных людей. Уже было ясно, что новый генсек разваливал великую державу.

Целенаправленно или по доброте душевной (ну то есть, по глупости) уже другой вопрос. Но из происходивших в стране преобразования и Карелиус и Громов могли делать напрашивающиеся выводы. Согласно которым, еще можно было попытаться страну спасти. Спасти хотя бы ту ее

часть, которая была искусственно воссоздана, превратившись в полигон. Именно там планировалось удержать власть. Причем сейчас все необходимо было готовить для того, чтобы на территории Полигона, где вместо СССР уже произошла смена классового режима, восстановить былой режим. Это было единственное, с чем и Карелиус и Громов могли справиться, только забыв притязания на власть и объединившись. К тому же на территории Полигона они должны были стать хозяевами. Без всяких там условностей и ограничений. Полигон это была еще не страна. Хотя и все условия жизни были в действительности воссозданы как и той великой державе, в которой Громов и Карелиус существовали до сих пор, и которая уже наметила падение вниз, скатывание в пропасть. И пропастью этой было для страны - восторжествование недобитков и врагов народа. Они теперь готовились править бал. Против них надо было начинать борьбу. Причем борьбу исключительно тайную. Официально ведь до сих пор и Громов и Карелиус подчинялись своим

прямым начальникам, руководителям тех ведомств, в которых работали. А те, в свою очередь, подчинялись Совмину и политбюро. Пока еще существующим Совмину и политбюро. Тогда как уже было известно (Громову и Карелиусу; пока эту информацию они остерегались подавать наверх, зная, что там слишком много предателей), что в 1991 году СССР перестанет существовать.

Предатели, получавшие неограниченную поддержку Запада, наконец-то сумеют разрушить его. Поэтому и была еще возможность, сохранив Полигон как модель Советского Союза, позже - воссоздать на основе ее великую державу. Борьба предусматривалась серьезная, и, по всей видимости, могла значительно растянуться во времени. И в этом Карелиус с Громовым отдавали себе отчет. А потому сейчас как никогда они были заинтересованы в кадрах. В формировании отрядов невидимого фронта из тех преданных людей, которых необходимо было отыскать и, если надо, завербовать - уже сейчас, пока население страны еще не разобщено и развращено преобразованиями,

которые должны были начаться по западным лекалам. Сейчас еще был шанс. И Виктор Степанович Карелиус и Федор Геннадиевич Громов это понимали более чем.

.....

.....

То, что решили объединиться Громов и Карелиус, было знаменательным событием. И прежде всего для самой страны. Потому что ведь и действительно был еще шанс воссоздать великую державу. Вернуть ее, пока воссоздав на небольшом пространстве, в секретных сводках именуемой Полигоном, модель некогда великой державы. Эта держава пока еще существовала и на основной территории основного государства. Но брошенный призыв брать независимости столько, сколько каждый сможет унести, уже начал приводить к серьезным бедствиям, и следующим за ним разрушительным последствиям. Вряд ли кто-то мог действительно предугадать, что в скором времени

произойдет. Даже по донесениям, собранным у Громова и Карелиуса было не все ясно. На Полигоне в настоящее время действительно существовало то, к чему приближалась страна после прихода к власти последнего генсека советского союза. Но и Громов и Карелиус знали, что ситуация поправима. И это, быть может, было их главным заблуждением, по мнению Никитина.

К мнению Никитина присоединились Пестун и Мишин. Этим людям, как и ряд других, уже привлекли к работе, объяснив им происходящее в стране, то что должно было произойти, и то, что планируется сделать, чтобы хотя бы на небольшой территории не допустить прихода врага, вернуть что было, и уже после - на основе этого победить и на территории всей страны.

Мишин, Никитин и Пестун были более чем согласны с планом. К ним присоединился Шмеерсон (на которого делал определенную ставку и Громов и Карелиус), Марик Микоян, а также еще десяток агентов, которых в свое время не уничтожили по приказу Карелиуса, и которых

использовал в своей работе Громов (они были двойными агентами).

Штат усилили четыре генерала, подчинявшихся любому приказу Карелиуса: Енукидзе, Демьяненко, Власенко, Гандыба. Зря когда-то Карелиус искал в них предателей. Это было не так. И сейчас он мог в этом убедиться.

Правительство решено было также сформировать из ряда бывших членов и кандидатов в члены политбюро, в преданности которых и Карелиус и Громов были уверены. На усиление к ним пришли некоторые из первых, вторых, и третьих секретарей горкомов и обкомов, которые должны были сформировать правительство на местах.

Оставался, было, спорным вопрос, кто возглавит новую страну (воссоздаваемую на Полигоне). Но здесь ситуация если и была спорной, то лишь только у тех людей, которых использовали, но слишком близко к власти не допускали. Всем же остальным было ясно: руководить страной будут два человека. Карелиус и Громов. Все будет

поделено на сектора. Каждый станет курировать свой сектор. А какие-то судьбоносные решения принимать вместе.

Только так можно было сберечь Полигон от гибели и разрушения. Ведь уже было ясно, что через какое-то время о существовании Полигона станет известно пришедшим к власти руководителям страны. По информации Карелиуса и Громова к власти активно рвался бывший секретарь свердловского обкома КПСС. Ему была уготована роль могильщика великой страны, которая после прихода этого человека к власти (Громов и Карелиус уже знали, что он придет) перестанет существовать. И на долгие годы воцарится в стране хаос, загнивание, и смерть, которая придет в каждый дом. Такой смертности (катастрофы, алкоголь, наркотики, ранняя и детская смертность), которая наступила в результате деятельности новых руководителей, при власти, которой служили Карелиус с Громовым, быть не могло. И они, хорошо зная, что в ближайшее время должно было произойти, в срочном порядке стали готовить удар-

восстание на Полигоне, стремясь пока укрыться там. А будущее покажет. Хотя и никто из тех, кто сейчас готовился к изменению ситуации на полигоне, не сомневались, что им удастся все сделать согласно разработанному плану. Причем план был разработан не только Карелиусом и Громовым, но и учтены замечания команды, которую создали эти два руководителя. Ну а суждено ли осуществиться плану? Так будущее действительно покажет. А пока все готовили силы для последнего броска. Кому-то - для захвата власти в стране. Кому-то - на полигоне. И иного пока было не дано.

Часть 4

Глава 1

Валерию Денисовичу Иншакову, сорокапятилетнему заместителю директора НИИ вновь снился этот странный сон. По нему - все было

не так. В этом времени не так. И в своем сне он жил еще в Советском Союзе. И враги народа еще не успели Союз развалить. А перед самим Иншаковым каждый раз (каждый сон, или через сон - сам сон был как затяжной сериал, которых превеликое количество показывали в том времени, в котором он жил) проходило множество людей, часть из которых были откровенными предателями, а другая часть - радетелями отечество. Причем некоторые действительно свое отечество спасали.

Сны Иншакова имели затяжной характер. И продолжались уже достаточно длительное время. Достаточно, чтобы он понял, что так просто они не закончатся. Да ему и не надо было, чтобы они заканчивались. В его снах все выстраивалось в единую цепь тревог, сомнений, размышлений, небольшой доли беспокойства, и фактического погружения в мир прошлого. В тот мир, когда еще существовал Советский Союз. Когда самому Иншакову было двадцать пять лет. Когда впереди еще были возможности, и жизнь вроде как

выстраивалась согласно некой виртуальной последовательности будущего происходящего. Того, чего еще не было, но что непременно должно было произойти в будущем.

Валерий Денисович даже начал писать научно-художественную работу. О прошлом,-- с позиции настоящего.

И самое главное было то, что все это ему нравилось. И он совсем не хотел, чтобы его сны прекращались. Потому как - ведь это и действительно было прекрасно.

.....
.....

В своей работе Валерий Денисович придерживался правила, что тогда - было лучше, чем сейчас. Но ведь это было и очевидно,-- уверял он иной раз своего невидимого оппонента, пытавшегося оспорить результаты исследования Иншакова.

Иншаков понимал, что, прежде всего, таким критиком был он сам. То нечто, находящееся внутри него, которое вроде как и принимало происходящее, но пыталось зацепиться хоть за что-нибудь, что можно было бы оспорить.

Не удавалось. Пока не удавалось. Да и уже к этому оспариванию Валерий Денисович не стремился. Это ему было попросту не нужно. Сны пока были единственным, что ему нравилось в этой жизни. Что принималось им фактически полностью. Без каких-либо купюр, условностей и ограничений.

И это действительно было так. К чему были какие-то условности, когда прошлый, настоящий и будущий путь простирался перед Иншаковым в виде практически прямой дороги. По которой он стремился пройти как можно дальше и быстрее. А если и оглядывался назад, то лишь только за тем чтобы на основе дороги прошлого - найти дорогу в будущее.

Так ему было спокойнее. Так он знал, что обязательно дойдет. Так он верил, что не собьется в пути, и ему не помешают дойти. Да и много еще

чего другого казалось Иншакову. Потому что образы из прошлого постоянно находились перед его глазами. Указывая путь. И освещая его тем блеском, который светит независимо от настроения души.

Глава 2

'Вопросы задействования людских ресурсов в странах Запада. Основные тематические параметры массообразования. Массовый гипноз, характер воздействия, ключевые параметры'. У Березина голова шла кругом от цифр, графиков, статических исследований. И мыслей.

Мысли были все больше странного характера. Например, Людвигу Борисовичу казалось, что вокруг предатели. А он нащупал их логово, и теперь должен в короткий срок решить, что с этим делать. Как это использовать. Любую информацию Людвиг Борисович привык

использовать. И на этот раз он решил не отступить от общего плана, простиравшегося на его жизнь.

Согласно этому плану, все окружающие люди имели своеобразную соподчиненную друг другу функцию. И уже в зависимости от этого можно было их правильно использовать.

Когда-то Березин написал на подобную тему работу, которая неожиданно получила широкий резонанс. И была отмечена руководством.

После этого Березин ничего толкового не написал. Но его помнили именно по той работе, и фактически его нынешнее положение директора НИИ - было тоже благодаря ей.

Чем занимался Березин на работе, помимо визирования подаваемых ему на стол бумажек и написанием собственных работ (писал он по-прежнему много; толковых работ получалось мало) никто старался не знать. Да и кому это было нужно. Самому Березину уж точно нет. А вступать с ним в конфликт - было, как говорится, себе дороже.

Поэтому каждый занимался своим делом. Да и это, по сути, было правильно.

Хотя у Березина и возникал на самом деле ряд вопросов, которые если и не требовали скорейшего разрешения, то, по всей видимости, могли свидетельствовать о том, что не все в его королевстве спокойно. И главным образом возникал вопрос по поводу использования результатов работы его НИИ в реальной жизни. Уже давно у него начали возникать подобные вопросы. Он как-то чувствовал, что его намеренно оставляют в покое, словно бы и не вдаваясь в результаты исследований. И в то же время Березин явно чувствовал чье-то постоянное внимание к возглавляемому им НИИ. Он даже собирался встретиться с бывшим руководителем НИИ. Но оказалось, что того уже не было в живых. И хоть старик умер естественной смертью, Березина не отпускали сомнения, что все на самом деле было не так просто. И как минимум ему необходимо детально разобраться со всем что происходит. Хотя и одному, он понимал, разобраться будет трудно, да

и попросту невозможно. И тогда уже, требовалось привлечь своих сторонников из числа работников. Одним из таких работников был Иншаков. Человек, который располагал к себе, хотя и оставался, по мнению Березина, сам себе на уме. И прежде возникал вопрос - откуда пришел этот человек? Почему-то было у Березина подозрение, что назначали того на пост его заместителя не случайно. Ведь до этого Иншаков возглавлял куда более крупный отдел, чем это было сейчас. Да и как-то резко у Иншакова, по мнению Березина, произошла смена профессиональных пристрастий. Тогда он занимался экономикой, а тут вдруг решил заняться исключительно политикой, политическими исследованиями. Хотя, по сути, Березин допускал, что здесь-то как раз ничего необычного нет.

Глава 3

Иншакову вновь снился тот странный сон. Согласно ему, необходимо было весьма условно

понимать все, что происходит с ним сейчас, или будет происходить в ближайшее время. И с одной стороны уже казалось, что этого совсем нет. А с другой, чувствовал Иншаков какую-то недосказанность. Понимая, что не все еще ему понятно. Например, уже многих людей, которых раньше не знал, и которые появлялись только во сне, он замечал в жизни. В жизни, которая происходила вокруг него. Причем, сам Иншаков, пока даже мог не принимать в этой жизни какого-то участия. Да и вообще, слишком многое в этой жизни было условно, чтобы относиться к этому как-то всерьез,--полагал он.

Хотя и до конца убедить себя в этом не мог. Не получалось. Словно бы каждый раз находилось нечто, что каким-то, часто независимым от самого Иншакова, образом вторгалось в его сознание. Собираясь, видимо, установить там какой-то свой, отличный от того, что было раньше, порядок.

Как мог пока Иншаков с этим справлялся. Но уже чувствовал, что будет получаться подобное недолго. Потому как... Да знать бы почему,--

подумал Иншаков.- Можно было бы установить какие-то меры противодействия. А так, фактически, пока оставалось только подчиняться каким-то правилам. Следуя откровениям, извлекаемым из-под сознания. Чтобы уже после, в стремлении бросить все, начать отдаляться от всего того, что было с таким трудом домыслено.

--Фактически не стоило обращать на это внимание,--рассудил Иншаков. Во многом он мог уже признаться себе. Никому так не доверяя как себе, Валерий Дмитриевич находил даже какую-то особую радость в своем исповедовании себя. Сон, уже не сон, не только сон становился главным. Имело значение и все, что начиналось после сна. Когда сразу после просыпания начинали приходиться удивительные мысли. Мысли, перемешивавшиеся с воспоминаниями из прошлого. Какими-то откровениями из будущего. Иншаков ведь немного видел и свою будущее. Правда, сказать с точностью, чье это будущее, он не мог. Лица все были размыты.

Но по каким-то интуитивно угадываемым моментам Иншаков догадывался, что все это о нем. Ну а если и не все, то уже точно, что многое.

И очень трепетно относился Валерий Денисович к открывавшимся таким образом ему откровениям. Видел в них нечто такое, на что действительно следовало, необходимо было обратить ему внимание. Прежде всего потому, что это будет нужно в первую очередь ему. Как бы то ни было, несмотря на общественный пост, Иншаков по-прежнему личные интересы ставил заметно выше общественных. Общественным он мог отдаваться в рабочее время. В остальном власть принадлежала тому, что было личного. Именно личное формировалось таким образом, чтобы исходя из необходимости совместного существования (самого Иншакова как индивида, и Иншакова как члена общества, социума) проявлять интерес к самому себе. К росту тех благ (духовных и материальных), которые в дальнейшем приведут к еще большему развитию способностей психики

Валерия Денисовича. К способности делать соответствующие выводы, и принимать необходимые решения. И ничто уже в этом его не должно было отвлекать. А даже наоборот, все должно идти исключительно на благо. На повышение саморазвития и самосовершенствования.

И уже в контексте вышеизложенного принимали действительно особое значение сны Валерия Иншакова. В этих снах он попеременно видел будущее и прошлое. Всякий раз, в каждом сне, удавалось Валерию Денисовичу разглядеть нечто, что на самом деле, догадывался он, имело более чем важное значение. Причем, уже получается, не только в его жизни.

Впрочем, и сама жизнь приобретала другой смысл. И на первый план выходила необходимость переосмысления Иншаковым всего происходящего. Ведь многое до сих пор, несмотря на, иной раз, удававшуюся интерпретацию, оставалось для Иншакова загадочным и интересным. Да и, по сути, если у него получалось как-то раскрыть секрет

имеющегося сновидении, это еще все равно почти ничего не означало. Потому как наверняка существовало что-то еще, догадывался Иншаков, что попросту пока не поддалось разгадке.

--Но если бы это только было так,-- с грустью иной раз задумывался Иншаков, и лицо этого уже немолодого человека тогда становилось еще старше. И уже казалось, что ничто не сможет искупить вину, которую, догадывался Иншаков, можно было искупить только страданием. И он страдал. Попадая в такие депрессивные состояния, из которых порой не то что не знал, как выбраться, а и вообще - чувствовал, что погряз в них надолго, если не навсегда. Хотя и то, что не навсегда -- он знал. Ему ведь всегда удавалось выкарабкиваться. А сознание его отпускало. И тогда Валерию Денисовичу Иншакову становилось легче жить.

Правда, иногда случалось так, что сны не снились. В таких случаях через какое-то время к Иншакову подступала тревога. И он уже сам умолял, чтобы все повторилось. Чтобы он заснул,

увидев во сне как ему жить. Ведь именно пророческий характер сновидений, как уже сейчас понял Иншаков, притягивал его.

И здесь не было никакой мистики. Какую-либо мистику Валерий Денисович вообще не принимал. Да и какая могла быть мистика у ученого. А Иншаков более чем кто другой мог бы считаться ученым. Науке он отдал последние двадцать пять лет. И в дальнейшем надеялся, что его опыт и знания окажутся необходимыми. С этим и жил.

Глава 3

Иншаков несколько нерешительно вошел в кабинет к Березину.

Высокий, худой, сутулый Березин сидел за своим рабочим столом и пытался собраться с мыслями. Он только что понял, что у него неожиданно исчезли какие бы то ни было толковые

мысли. А бестолковые, которые до этого лезли в голову, еще на днях ему удалось усмирить.

--Что? Что случилось,--испуганно поднял глаза на стоявшего рядом с ним, и переминавшегося с ноги на ногу Иншакова.-Что случилось, Валерий Денисович?-допытывался Иншаков, во все глаза разглядывая Иншакова.

--Людвиг Борисович,--чуть запинаясь, произнес Иншаков.-Я должен с вами серьезно поговорить.

--Присаживайтесь,-- вскочивший Березин, подошел к Иншакову, и, указав на стул, помог устроиться.

--Дело, можно сказать, первостепенной важности,--как будто никого не слыша и не видя монотонным голосом произнес Иншаков.-Даже, можно сказать, от результатов нашего сегодняшнего разговора зависит все.

--Что?-наконец-то Березин разобрал что ему говорили.-Простите, что зависит?

--Зависит все,--не сбиваясь с ритма, повторил Иншаков.

--Ну, знаете,--несколько обиженно развел руками Березин. Но тут же заинтересованно уставился на Иншакова. Видимо ожидая продолжения, чтобы все выяснить для себя.

--Мы находимся под колпаком,--продолжил Иншаков.-Причем, за нами следят люди из прошлого.

Образовалась пауза.

Пауза стала затягиваться.

Березин подумал, что Иншаков сошел с ума. Но в последнее время он и про себя не мог бы с уверенностью сказать: был он болен или здоров? Поэтому решил пока поостеречься делать выводы о ком-то.

--Мы находимся под колпаком,--как ни в чем не бывало, повторил Иншаков.-За нами следят. Следят люди из прошлого. И все...

--Что? Что все?-обеспокоено произнес Березин.

--А и вообще - все,--махнул рукой Иншаков.-Выхода нет. Нас ведут.

--Куда,--автоматически уточнил Березин.

--Что?-не понял Иншаков.

--Ну, куда ведут?-заинтересованно посмотрел на Иншакова Березин. Лицо у него сейчас было такое, словно бы он случайно узнал о великом открытии. И уже тайно предвкушал, как будет использовать полученную информацию.

--Не знаю,--нерешительно пожал плечами Иншаков.-Я пришел к вам, чтобы вместе разобраться с происходящим. Еще и потому,--сказал он после секундной паузы,--что никому нельзя доверять. Мне точно известно, что в нашем НИИ агенты. Агенты из прошлого. Они изучают... они все изучают. Чтобы после...

--Что, чтобы после?-нетерпеливо переспросил Березин.

--Не знаю,--честно признался Иншаков.-Я еще почти ничего не знаю. Но уже знаю, что разберусь.

--Так вы знаете или не знаете?-внезапно пошел в комнату высокий человек крупного телосложения, и уверенным взглядом из под лобья.- Хорошо бы определиться, коллеги,--усмехнулся он,

бесцеремонно усаживаясь за стол.-Знаете вы или не знаете.

--Кто вы?-обеспокоено переспросил Березин.

--Что вам угодно?-посмотрел на него Иншаков.

--Да вы садитесь,--показал рукой незнакомец, улыбаясь поглядывая на стоявших перед ним ученых.-Я там распорядился, чтобы принесли кофе. Вы не против?-незнакомец последовательно посмотрел на Березина и Иншакова, отмечая про себя не проходящий с их лиц страх. Еще немного, и страх мог принять паническую форму. А значит в таком состоянии Никитин (незнакомец был он) ничего бы не смог решить. Поэтому он смягчил собственное выражение лица. И даже улыбнулся.

Лица ученых несколько разгладились тоже.

--Проблемы никакой на самом деле нет,-- четко проговаривая слова, произнес Никитин (представившись, он назвал свою фамилию).-Я здесь как раз для того, чтобы убедить вас излишне

не волноваться. Вы кажется, хотели о чем-то сообщить Людвигу Борисовичу?-Никитин посмотрел на Иншакова.

Иншакова передернуло, он сделал ряд хаотичных движений головой, руками, телом, наконец, усилием воли попытался собраться. Получилось не очень. Никитин с удивлением рассматривал происходившее перед ним. К ученым-физикам он вроде как и должен был привыкнуть. Но каждый раз все равно не мог скрыть своего удивления видом и действиями подобных людей. Вернее, скрыть, конечно, мог. Но намеренно этого не делал. По мнению Глеба Аркадиевича, те, с кем он общался, должны были знать его реакцию на них. Не все обладали столь крепкими нервами как у него. А значит, необходимо было предоставлять людям дополнительную форму в общении с собой.

--Итак?-последовательно обвел он глазами шизоидную парочку.-О чем вы могли бы мне сказать?

--Кто вы?-первым пришел в себя Березин.- Как вы попали в мой кабинет? Кто вас пропустил?

--Ну, полноте, закатывать истерику,--
спокойно сказал Никитин.-А если будете
баловаться, я дам вам в морду.

--Что?-испуганно сбился с мысли Березин.

--Что вы себе позволяете?-первым пришел в
себя Иншаков. Валерий Денисович Иншаков мог
себе позволить задать подобный вопрос. Еще
будучи на последнем курсе института он выполнил
норматив мастера спорта по тяжелой атлетике,
выступая в тяжелом весе, и выиграв тогда
первенство РСФСР. Сейчас Иншаков стал еще
грузнее, и весил намного больше своих когда-то
соревновательных 90 килограммов.-Что вы
сказали?-усмехнулся Иншаков, пытливо оглядывая
Никитина, который был на голову выше него, но
несколько проигрывал ему в комплекции.

--Я сказал, что успокою вас,--спокойно
сказал Никитин. Помимо высокого роста и веса под
центнер, Глеб Аркадиевич Никитин тоже когда-то
выполнил норматив мастера спорта, добавив через
время к нему еще и международное звание. И с тех
пор на жизнь смотрел улыбаясь.

--Позвольте, господа, тут видимо какое-то недоразумение,--встал с кресла Березин, и подойдя к окну, зачем-то задернул шторы.-Расскажите кто вы, и что вы от нас хотите,--сказал он, обращаясь к Никитину. По всему было заметно, что, чувствуя поддержку Иншакова, Березин успокоился. Знал ли он о спортивном прошлом Валерия Денисовича было неизвестно, но видимо он действительно сейчас почувствовал, что Никитину не так-то просто будет одолеть их обоих (сам Березин спортом никогда не занимался, разве что бегал трусцой и изредка занимался гимнастикой с гантелями).

--Ну вот это уже другой разговор,-- улыбнулся Никитин, и, отодвинув кресло, уселся, положив локти на стол, и внимательно стал осматривать кабинет.-Тем более что кроме нас - вас слушают тут и еще.

--Что?-не понял Березин, несколько смешавшись.

--Кто слушает?-заинтересованно произнес Иншаков, тоже оглядываясь по сторонам.

Никитин усмехнулся.-Что вы, право, разыгрываете из себя...--начал было он, да замолчал. Потому что Иншаков соглашательски закивал головой, явно догадавшись, о чем говорит Никитин.

--Вот именно,--подтвердил его предположения Глеб Аркадиевич, и еще раз представился.

--Простите, откуда вы сказали?-посмотрел на него Березин. Было заметно, что многое для него сегодня открывалось словно в первый раз. И он производил впечатление человека, смущенного более чем бывал обычно.

Впрочем, обычно Березин походил на странную, и немного патологичную личность. Все конечно догадывались, что у него были какие-то проблемы с сознанием. Да как-то среди ученых придавать этому значение было не принято.

--Ну, давайте по делу,--серьезно сказал Никитин, доставая из портфеля (только сейчас можно было заметить, что он пришел с портфелем) какие-то бумаги, разделяя их на два экземпляра, и пододвигая каждый Березину и Иншакову.-Я прошу

вас внимательно ознакомиться со всем, что здесь написано. В слух прошу говорить меньше (Глеб Аркадиевич сделал жест рукой, мол, где-то пишущая аппаратура, и лучше поменьше информации).

Березин и Иншаков принялись за чтение.

А еще через время они понимающе закивали головами, встали, и вышли вместе с Никитиным. Больше в этот день в учреждение они не возвращались. Как не вернулись ни на другой день, ни вообще никогда. Поначалу, было, Карелиус решил их привлечь в своей деятельности на Полигоне. Да потом, рассудив, что они будут только мешать, от их услуг отказался. Больше их никто не видел.

А на Полигоне Виктор Степанович Карелиусу использовал других людей. Он умело сортировал штат, периодически освобождаясь от предателей и изменников родины. Изменники на полигоне ему были не нужны. И некогда известный в узких кругах как Полигон для исследования адаптационных возможностей индивидов

объединенных в массы при смене классовых режимов власти, к этому времени (подходил к концу 1999 год) продолжал существовать в режиме модели для подготовки возвращения социализма на территорию бывшего советского союза. К этому времени СССР уже не было. Да и все, в общем, свершилось так, как когда-то указывал в своих донесениях Никитин и остальные агенты. А Карелиус и Громов, как и запланировали, осуществляли контроль на территории Полигона. Собираясь в скором времени попытаться изменить строй и на территории страны, воссоздав там то, что им удалось сохранить на полигоне (демократический строй начавшийся было на полигоне, к моменту прихода туда команды Карелиуса и Громова удалось свергнуть, используя возможности, существовавшие при СССР). Но пока установить социализм и на территории основной страны - возможности не предоставлялось. Хотя у Карелиуса и Громова уже была информация, что в самое ближайшее время все изменится. А значит, появится шанс, что в стране будет наведен порядок.

Они верили, что их знания и профессиональные навыки помогут в этом. Помогут тому человеку, который должен был возглавить страну. Они знали этого человека. Верили в него. И хотя Громову недавно исполнилось шестьдесят пять, а Карелиус был на пять лет старше, в себе они чувствовали еще силы. Да и система, которую они до мельчайших деталей отработали на полигоне, не могла дать сбой. И новому президенту могла только пригодиться.

Послесловие

На самом деле все вышло несколько не так, как это предполагали Карелиус и Громов. Еще почти десять лет потребовалось, чтобы в стране окончательно восторжествовала власть, к которой они стремились. Громов до этого времени не дожид, скончавшись от сердечного приступа в 2007 году. Карелиусу в 2010 году исполнилось 80 лет. После победы дела, которого в своих мемуарах назвал делом всей жизни, он прожил всего год. Никитин

был еще жив. Недавно ему исполнилось 70 лет, и к тому времени он сменил на посту тайного консультанта власти (в официальном ранге советника президента) Карелиуса.

Генералы Енукидзе, Демьяненко, Власенко, и Гандыба - умерли своей смертью. В почете и уважении. Пестун, несмотря на годы, работал в министерстве иностранных дел одной из западных стран. Он продолжал тайно служить власти, и власть поддерживала своего агента.

Шмеерсон эмигрировал в Израиль, проживая в глухой деревушке, но все также продолжая дорабатывать свою теорию мироустройства, как в шутку называл ее Павел Мишин, который стал его соседом, окончательно отойдя от дел совсем недавно, и перебравшись к Альфреду Мойшевичу, с которым познакомил его когда-то Стас Михайловский (ныне покойный). Игорь Леонидович Левашов - занимал ответственный пост в руководстве крупного субъекта федерации. Марик Микоян стал олигархом. Ему, вместе с родственниками

Шмеерсона (племянником Изей и двоюродным братом Альфреда Мойшевича -- Людвигом Карловичем) разрешили владеть крупным капиталом, с условием полной подконтрольности правящей власти. В стране хоть и начался режим, о котором мечтали Карелиус и Громов, но новая власть вынуждена была внести коррективы, с условием уже достигнутого (рассудив, что разрушать всегда легче, чем грамотно использовать имеющиеся достижения). Да и люди, по сути, стали уже другие. И хотя и Карелиус и Громов когда-то были уверены, что люди в их стране станут такими, какими это захочет власть, на самом деле оказывалось, что предикат власти не всегда возможен в полной мере. И какие-либо уступки делать народу необходимо. Хотя бы для того, чтобы эту самую власть удержать.

И самое интересное, что это удивительным образом перекликалось с той последней научной работой, которую вел Альфред Мойшевич Шмеерсон. И, несмотря на то, что она до сих пор еще оставалась незаконченной, по сути, была готова

уже давно. По крайней мере, Громов с ней ознакомился еще в конце 80-х. А Карелиус даже на год-два раньше.

Сам же Шмеерсон об этом не знал.

Продолжая трудиться и завершать некогда начатый труд. Который он и действительно считал делом всей жизни. Да и был, наверное, прав.

Приложение-1.

Выдержки из работы Шмеерсона А. М.

(Секретно. Для внутреннего пользования.

Завизировано - В. С. Карелиус, Ф. Г. Громов.

Ознакомлены - Енукидзе Б. А., Демьяненко

И. Г., Власенко С. В., Гандыба Ф. М.

Частично ознакомлены - Левашов И. Л,

Березин Л. Б., Иншаков В. Д.).

(примечание: Березин и Иншаков

уничтожены как враги народа, вследствие

предательства последних идеалам партии и правительства.)

'...Истинное положение дел всегда заметно отличается как от желания, так и тех мыслей, которыми продиктованы начинания людей, которым волей каких-либо обстоятельств уготовано вести преобразования в стране. Само дело чаще всего от этого не страдает, хотя и заметно отдаляется цель, к которой стремятся эти люди. Можно было бы предположить, что на каком-то этапе еще возможны будут те преобразования, которые и были, собственно, задуманы изначально. Но реальная практика зачастую показывает обратное. Поэтому необходимо в должной мере обратить внимание на ряд ключевых особенностей, которые в последующем вполне могут иметь решающее значения для задуманных преобразования. Причем, может даже так случиться, что через какой-то период времени окажется важным лишь какое-то одно положение некогда разработанной теории. Но тогда уже мы можем заметить, что и этого будет

достаточно. Вполне достаточно, учитывая масштабы задуманного.

...Если говорить о необходимых преобразованиях, следует, видимо, обратить внимание на то, что нельзя (и даже, можем заметить, весьма опасно) что-то менять таким кардинальным образом, чтобы исключать уже имеющееся, достигнутое. Может так случиться, что через какое-то время окажется, что то что убрали -- было необходимо. Может даже так случиться, что только сама идея была правильная и верная. А на каком-то этапе (осуществления плана) сначала произошло ответвление в сторону, а после этого пошли по методу изучения этого ответвления, совсем забыв основную цель и идею.

Но тогда уже сейчас, по прошествии какого-то времени, в разрешении подобного вопроса нельзя подходить по принципу предиката чего-то исключительно нового, в ущерб уже имеющегося. Совсем нет. И хотя априори подобное возможно, на наш взгляд необходимо должным образом изучить

прежний опыт, найти и осознать имеющиеся ошибки, после чего фактически его же и продолжить. Но уже с новыми дополнениями, которые должны будут повлиять исключительно на достижение положительного результата.

...Если рассматривать вопрос адаптивных возможностей личности в условиях выживания при смене правящих режимов, то на наш взгляд следует обязательно учитывать тот факт, что с происходящим временем индивиду (и, прежде всего, мы должны говорить об их сознании) изменяются. Как бы, уже можно заметить, приспособливаются к новым условиям существования. Поэтому какая-либо кардинальная смена режимов в данном случае может привести порой к необратимым последствиям. Прежде всего потому, что сознание индивида не может так быстро перестроиться. И по нашему мнению должны произойти определенные преобразования в личности, прежде чем станет возможным вводить новые данные (условия) для изменения сознания как

индивидов, так и индивидов, заключенных в массы. Это уже как бы и залог выживания, и способ достижения ранее запланированных результатов.

Причем сам приход к власти в таких условиях видимо будет сопряжен с трудностью значительных преобразований, которые станут перед властью. И если предположить, что кто-то из власть предержащих попытается это скрыть (описав имеющуюся ситуацию в ином ключе), то это почти однозначно подобное может привести к новым, еще более печальным последствиям, чем те, которые все равно бы наступили, но которые еще была возможность (подобная возможность, впрочем, остается) разрешить.

Трудное, на наш взгляд, должно было бы наступить время в таком случае. Причем как для самого индивида, так и для общества. Индивид, в таком случае, должен неким новым для себя образом приспособливаться к условиям выживания в мире общества. Ему следует отбросить некое личное, в ущерб общественному. Отказаться от каких-либо внутренних ощущений, стремления

отстоять какие-то свои права и привязанности, и фактически в полной мере подчинить свое сознание общественному. Некому коллективному разуму, от которого в большей, чем когда-то, мере зависит, быть может, и само выживание такого индивида. Ведь уже ничто, на наш взгляд, не способно так контролировать сознание такого индивида, как стремление общества навязать свой контроль над ним, над его сознанием, над сознанием как отдельного индивида, так и в большей, чем когда-то мере, над индивидами объединенными в массы...

...Стремление отдельного индивида отстоять свободу покажется любопытным, но почти совсем лишенным какой-либо прагматической цели. Да и по сути, уже можно говорить, что это практически невозможно. Потому как, все что будет направлено им на реализацию каких-либо внутренних инстинктов, уже станет, так или иначе, поглощено необходимостью адаптационного периода выживания в обществе. Обществе, которое совсем не терпит (не признает) власти отдельного индивида

(какими бы способностями, природными или искусственными, знанием, например) он не обладал. И это все становится особенно верно, если проанализировать тот путь, который прошли ряд государств, в своем стремлении к развитию посредством роста благосостояния масс. Что, опять же, на наш взгляд со стороны такого государства не больше как уловка, и следование необходимости подчинения индивидов, заключаемых в массы. А все остальное, уже получается, будет весьма и весьма условно. По крайней мере, не подчинено таким уж принципам, которые должны были бы главенствовать над сознанием как отдельного индивида, так и масс...

...В стремлении упорядочить влияние над массами, оказываемое в обществе (причем, по нашему мнению, такое влияние прослеживается независимо от типа общества и характера имеющейся власти), власть должна руководствоваться требованиями жесткости (если необходимо, в отдельных случаях и жестокости),

направленной на борьбу с инакомыслием, которое больше чем ничто иное разобщает других индивидов, наводя смуту на массы, и в конечном итоге разобщая те, а значит и приводя к фактической гибели. Никакое государство не может существовать без жесткого режима, устанавливаемого этой самой властью. Излишняя либеральность приводит к анархии. Анархия приводит к отказу от устоев общества. Отказ от устоев фактически уже приводят к краху такого общества, потому что оно попросту не сможет существовать.

Прослеживая способы, получившие свое распространение на территории нашей страны (бывшей страны.-- Уточнение внесено позже. А. Ш.), необходимо обратить внимание на то, что уже фактически излишняя свобода привела к тому краху, результатом которого является нынешнее положение дел в стране (в настоящее время ситуация изменилась.-Уточнение внесено позже. А. Ш.). Причем подтачивание механизмов управления,

механизмов существующей власти стало происходить на всех уровнях этой самой власти. И даже те, кто ранее молчал, со временем заразились общей безнаказанностью. В результате чего и за самый короткий срок некогда великая держава была убита, перестав существовать. Причем, подобного, конечно же, можно было избежать. Сумей власть задействовать имеющиеся у нее механизмы подчинения. Танки, армия, лагеря. Три составляющие успеха, которые должны были пресечь действия врагов народа, активизировавшихся во время после Перестроечной смуты. На наш взгляд также необходимо было иметь мощный резерв войск спец.назначения, которые при поступлении соответствующей команды, должны были уничтожать все и всех, не взирая на лица. Они не должны были думать. Они должны быть воспитаны таким образом, что в первую очередь превыше всего исполнение приказа. Причем необходим был особый отбор людей в подобные отряды спец.назначения, и соответствующая подготовка у них. За основу

можно было взять войска СС, войска монгольской орды, войска великого Тамерлана. Руководить подобными спецподразделениями должен был человек, по духу и характеру приближенный к Тамерлану. Не терпящий слова «нет», слабости, или лени. И идущий на выполнение приказа во что бы то ни стало. Даже если бы он получил приказ убить себя (за основу можно использовать кодекс самураев). Сам же руководитель также должен был тверд, уверен в себе, и бескомпромиссен в принятии решений. Все, кто ему мешает,-- должны быть уничтожены. Кровь, только кровь способна решить проблему. Нет человека, нет проблемы. Легче уничтожить человека, чем его перевоспитать. Потому как в случае перевоспитания в последующем он все равно может предать. Затаившись до времени, а при соответствующих условиях выползет из тени и нанесет удар в спину. По типу происходящего сейчас (десять лет назад,-- Уточнение внесено позже. А. Ш.), когда враги народа, дети и внуки врагов народа, и прочие недобитки подняли свои головы в предвкушении

власти. Любая власть - это страдания определенной категории людей. Какими бы благими идеями не сопряжен приход людей к такой власти. С этим необходимо как минимум смириться. А еще лучше - понимать. Чтобы в самый ответственный момент не дрогнула рука, когда необходимо будет уничтожать врагов нации.

...Необходимо помнить, что чаще всего людям свойственно лгать и приспособливаться. Поэтому задача власти состоит в распознавании подобных индивидов. Происходить выявление их ложной сущности, после чего, если становится ясно, что это действительно враги - необходимо уничтожать их без суда и следствия.

Те же, кто не выдержит подобной работы, должны помнить, что только кровь сможет искупить их вину. Потому что потворствование врагам народа - это ничто иное, как предательство.

...Политику сильной власти необходимо, в иных случаях, умело подготавливать, скрывая на

начальном этапе. Можно даже сказать, что обыватель должен догадываться лишь о части того, что должно произойти в последующем.

Использовать для этого необходимо различные методики манипулирования массами. Причем уже незачем говорить, что все они должны быть скрыты от их явного обнаружения. Народ следует готовить постепенно. Только небольшими шапками-уступками можно приблизиться к конечной цели, когда зверь уже окажется в ловушке. Причем то, что он там окажется, никто не должен догадываться.

Всех, кто начинает об этом тайно или явно говорить, следует ограждать от общества. Если же этот кто-то занимает какую-то общественную позицию или имеет известность и любовь среди народа, необходимо умело эту любовь народа сменить на ненависть к нему народа. Для этого используются различные механизмы направленные на дезориентацию масс. Создания в массах негативного образа подобного индивида. Чтобы потом, когда будет заявлено о том, что такой человек на самом деле замаскировавшийся враг - в

народе прошла волна не возмущения, а радости, что власть наконец-то сумела огородить народ от скрывавшегося агента. Методы подобной борьбы к настоящему уже отлажены в совершенстве. Как известно, о ком угодно можно создать как положительный, так и отрицательный образ. Настоящее положение дел значения не имеет. Умело подавая информация, и выбрасывая ее в том числе через средства массовой информации становится возможно добиться абсолютно любого эффекта...

...Необходимо создать подконтрольные СМИ, а все остальные - сделать так, чтобы они закрылись сами; то есть - уничтожить тех, кто финансирует их, а еще лучше, попутно, дискредитировав их же в глазах общественности. Необходимо помнить, что если народу уже дали определенные свободы, то нежелательно сразу их отнимать. Народ необходимо подводить к тому (формируя т. н. общественное мнение), чтобы люди сами возжелали закрытия вражеских СМИ. Причем

также известно, что любое СМИ может закрыться, если помимо лишения его финансирования, и пойти еще более надежным путем, то есть сформировать мнение окружающих (и, прежде всего, целевой аудитории такого СМИ) таким образом, чтобы резко ограничить популярность подобного СМИ в народе. Например, можно (необходимо) создать в образе окружающих - своеобразную 'не модность' данного СМИ.

Известно, что значительная часть народа стремится соответствовать образу людей, идущих в ногу с жизнью. Это повышает их общественный статус через повышение внутренней уверенности. В этом случае необходимо политику против подобного (вражеского) СМИ строить таким образом, чтобы сформировать в массах 'отсталость' данного средства массовой информации в освещении каких-либо событий общественной жизни. К тому же желательно чтобы оно (СМИ) стало позиционироваться как СМИ, искажающее (перевирающее) факты. В этом случае, если мы заберем от него веру к нему аудитории, то

фактически уже будет безразлично, что и о чем эта газета будут писать. А если лишим их еще и источников финансирования, то они вообще не смогут ничего издавать. Написать смогут. А издать - нет.

При этом необходимо ужесточить контроль интернета, как распространителя массовой инфекции, именуемой инакомыслием. Совершенно необходимо создать научные порталы, где люди смогут получать любую необходимую им информацию. Умных людей все равно меньше, чем обычных. Можно даже сказать, что умные люди это цвет нации. Поэтому никакие ограничения на них не должны распространяться.

Но подобное становится возможным только в том случае, если эти люди будут подконтрольны власти. А для этого необходимо найти для каждого применение, где будет максимальным образом использоваться внутренний потенциал такого индивида; и за работу он будет получать солидные вознаграждения и прочие материальные блага. Но это будет уже когорта избранных. Делать всех

приближенными к власти смысла не имеет. Хотя и следует обращать внимание, что как можно больше талантливых ученых, поэтов, писателей, актеров, и прочих индивидов, искусство которых (искусство - как производное их творчества) влияет на массы, определенным образом формируя вкусовые пристрастия последних...

...Говоря о власти и массах, следует обращать особое внимание, что массы совершенно невозможно оставлять без последовательного развития. Также как любые вкусы необходимо формировать и (в отдельных случаях) доформировывать, также необходимо обращать внимание на то, что основной категории людей необходимо создавать четкие условия для соответствования каким-либо идеалам. Ничего нельзя пускать на самотек, учитывая свойство психики индивидов подчиняться в первую очередь принципу удовольствия, и на первое место ставить удовлетворение своих низменных потребностей, которые, сколько их не усмиряй, все равно будут

довлеть над сознанием индивида, потому как известно, что подсознание всегда оказывается значительно результативнее, чем сознание. И все, что в последующем окажется в сознании, первоначально формируется в бессознательном (подсознании).

Уже поэтому следует обратить особое внимание на формирование подсознания масс таким образом, чтобы в последующем подобные индивиды при случае могли быть использованы для осуществления задач, поставленных партией и правительством...

...Главенствующая партия должна быть одна. В то же время, она должна быть полностью подконтрольна руководителю (руководителям, -- вписано позже. А. Ш.) страны, дабы исключить беспорядки, возникающие в случае, если решение принимается несколькими лицами, какими бы преданными идеям они не были.

В то же время необходимо создать специальный орган для надзора над руководителем

государства, для ограждения его от ошибок, потому как известно, что каждый человек волен совершать ошибки. (Последнее вычеркнуто. А. Ш. Дописано чернилами: 'специальный орган устанавливается только для контроля над высшим партийным руководством. По отношению к руководителю государства выносится официальный документ, где с ссылкой на имеющееся по мнению комитета упущение со стороны руководителя государства выносится просьба обратить его внимание на сей факт. В случае неизменности сохранения ошибки подобный документ подается второй раз. Если и на этот раз он оставляется без внимания, ответственность за сей факт целиком и полностью лежит на руководителе государства'. А. Ш. Вписано другими чернилами: 'Руководитель государства является его верховным руководителем. Каждый индивид, независимо от своего официального статуса обязан беспрекословно подчиняться руководителю государства'. Уточнение: Карелиус--Громов.)

...Необходимо самым внимательнейшим образом знать все, что происходит в стране. На каждого человека должно быть заведено досье, где учитывать его путь, начиная с момента рождения.

Ответственность за сбор информации поручить Комитету Безопасности, с обязанностями ко всем другим ведомствам беспрекословного подчинения данному комитету...!

Приложение-2.

Директору Федеральной Службы
Безопасности.

Докладная записка. Авторы - Березин Л. Б.,
Иншаков В. Д., (директор и зам. директора НИИ
Политических исследований, адрес. г. Москва, ул.
Академика Зелинского, дом. 13.).

'Учитывая наш статус ученых, и годы,
проведенные в разрабатывании и
совершенствовании методологии существующего

стройка, доводим до сведений руководства, что ситуация в стране в последнее время может измениться самым кардинальным образом.

Нам стало известно, что ряд лиц планируют свергнуть демократический строй, с тем, чтобы пустить под корень завоевания демократии и гибель наших братьев и сестер во благо будущей жизни всех поколений. На наш взгляд, такими лицам может быть нанесен непоправимый ущерб в силу имеющихся у них возможностей различного характера, в том числе и приближение к власти.

Нам также стало известно, что имеется некий секретный Полигон, на котором разрабатывается применение секретных методик захвата и управлением властью, а также модель этого полигона по нашим сведениям является точной копией бывшего советского государства, и пришедшего ему на смену демократического режима.

Доводим до вашего сведения что мы, как патриоты России, не можем больше молчать, и в случае не отреагирования с вашей стороны будем

вынуждены ознакомить со всей имеющейся у нас информацией прессу, а также спец.службы западных государств. Демократию необходимо спасти.

С искренней надеждой на ваше понимание данного вопроса, Л. Б. Березин, В. Д. Иншаков.

P.S. Всю необходимую информацию готовы предоставить при личном контакте'.

Циркуляр на полях:

Сведения проверить. Виновных наказать.

(подпись неразборчива).

Сергей Зелинский

Июль 2007 год.

© С.А.Зелинский. Шпион, или секретная миссия.

